

INSPIRIA

ВЕДЬМЫ ПОМЕСТЬЯ МУНШАЙН

КАЖДАЯ ЖЕНЩИНА –
НЕМНОЖЕЧКО ВЕДЬМА

БЬЯНКА МАРАИС

INSPIRIA

Бьянка Мараис

Ведьмы поместья Муншайн

Серия «Novel. Уютная осень»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69852598

Ведьмы поместья Муншайн:

ISBN 978-5-04-194694-4

Аннотация

Идеальная книга для осеннего вечера.

Вас ждет не только история современных ведьм, но и расклады Таро и рецепты настоящих зелий!

Вы думали, что сериал «Зачарованные» закончен? Вы ошибались.

Ведьмы поместья Муншайн не просто ведьмы. Они – сестринство. Добро пожаловать на шабаш.

Это история современных ведьм, которые объединяются, чтобы сохранить свое любимое поместье. В ход идут любые средства, поэтому вас ждут расклады Таро, уроки зельеварения и рецепты простого человеческого счастья.

Ведьмы поместья Муншайн каждый день сталкиваются с теми же проблемами, что и обычные женщины. Но поверьте, им есть чем вас удивить и чему научить. Приготовьтесь быть очарованными этими зачарованными.

Два кусочка, станьте целым. Пламя, делай своё дело.

«Бьянка Мараис – гений». – Энн Пэтчетт

«Эта книга – эдакий ведьминский вариант “Золотых девочек”, поэтому одними целительными чизкейками тут дело не обойдется». – Стивен Роули

«Шикарно написанная, захватывающая и очень веселая книга. Какое буйное воображение, сколько тут ярких образов, душевной теплоты и смешных приколов. Воистину – настоящий гимн женской дружбе». – Сьюзен Виггс.

Содержание

Ведьмы поместья Муншайн	8
1	10
2	15
Гримуар[3] поместья Муншайн	23
3	26
4	31
Гримуар поместья Муншайн	37
5	40
6	42
7	46
8	51
Гримуар поместья Муншайн	56
Гримуар поместья Муншайн	58
9	61
10	66
11	75
12	83
Гримуар поместья Муншайн	89
13	92
14	102
Из рецептов Айви для винокурни поместья Муншайн	109
15	112

Из рецептов винокурни «Поместье Муншайн»	118
16	121
17	129
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Бьянка Мараис

Ведьмы поместья Муншайн

Bianca Marais

THE WITCHES OF MOONSHYNE MANOR

Copyright © 2022 by Bianca Marais

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness

Agency and Synopsis Literary Agency

© 2022 by Harlequin Enterprises ULC

© Чулкова С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящаю эту книгу всем умным, неутомимым, неистовым, смешным, хулиганистым и талантливым женщинам, с которыми я имею счастье быть знакома. Спасибо, что каждый день утверждаете меня в мысли, что женская дружба – самое сильное в жизни волшебство. Жду не дождусь, когда мы вместе состаримся и переедем в поместье Муншайн. Чур, комната с кроватью на дереве моя!

Ведьмы поместья Муншайн

Урсула

Ведьма-ясновидящая

Коренастая, глаза ярко-синие, волосы пепельные, коротко стриженные, скромная, все время сомневается в себе, кое-что скрывает от остальных.

Иезавель

Ведьма-соблазнительница

Волосы длинные черные, глаза карие с поволокой, красивая, отвечает за выпивку в доме, похотливая, нравом неукротимая, меняет любовников как перчатки.

Айви

Ведьма-ботаник

Высокая, седые волосы заплетены в косу и уложены в пучок, глаза зеленые, носит очки в тонкой металлической оправе, вся в татуировках, дотошная, официальная хозяйка поместья, следит за всеми.

Табита

Ведьма-агорафоб

Имеет лицо упокоившейся ведьмы, происхождения африканского, носит платье с подплечниками, вечно хмурая,

обидчивая, имеет домашнюю питомицу по имени Виджет, точит зуб кое на кого.

Квини

Ведьма-изобретательница / ответственная за сестринство

Носит дреды, как у Боба Марли, любит ходить в ботинках «Док Мартенс», грубоватая, нетерпеливая, хранит в карманах всякую всячину.

Руби

Отсутствует в поместье.

Очень необычная, яркая, несравненная.

Вырвана из привычной среды обитания.

1

Суббота, 23 октября Утро

За полчаса до сигнала тревоги, не звучавшего вот уже много десятков лет (четыре суматошные старухи и престарелая ворона сорвутся из-за него со своих мест в разных концах поместья и побегут к месту сбора), Урсула просыпается от настойчивого стука. Такое ощущение, что невидимый великан барабанит костяшками пальцев по оконному стеклу. Это очень плохой знак, первый в череде многих других.

Вырвавшись из паутины сна, Урсула кряхтя откидывает одеяло – эх, старые больные косточки. Урсула привыкла спать голышом, сейчас она даже более голая, чем при рождении (ибо была из того редкого числа младенцев, что родились в сорочке).

Шлепая босыми ногами по полу, Урсула подходит к окну и наконец понимает, откуда исходит этот странный стук: толстая ветвь ангельского дуба колотится о стекло ее окна на третьем этаже. Дерево сотрясают сильные порывы ветра, оно словно танцует шимми, что удивительно. Ведь многие женщины знают: надо танцевать так, как будто на тебя никто не смотрит. Хотя, впрочем, возможно, дерево трясется от страха.

Лес, почти подступивший к саду поместья Муншайн, тоже беспокоен. Деревья гнутся к земле, словно кланяясь неви-

димому хозяину. Угольно-черное небо вихрится, все птицы разлетелись кто куда, а деревья беспрестанно о чем-то перешептываются. То ли делятся секретами, то ли предупреждают о чем-то – Урсула не может разобрать, и это еще сильнее выбивает ее из колеи.

Установленная на самой границе поместья огромная растяжка «*Скоро здесь будет мегакомплекс Кричли Хэкл*» трещит на ветру, словно разряды грома. Вот-вот разразится ливень – чтобы понять это, не требуются магические познания Айви.

Отвернувшись от зловещего пейзажа, Урсула направляется к календарю, чтобы отметить еще одну бессонную ночь. Даже трудно представить, сколько их было – до бесконечно-го много. Через два дня возвращается Руби, тогда-то и решится судьба Урсулы.

Потому что либо Руби знает правду, либо нет.

А если она все-таки *знает*, то, скорее всего, не захочет иметь с Урсулой ничего общего. От этой мысли перехватывает дыхание, грудь пронзает нестерпимая боль. Остается лишь надеяться, что Руби простит Урсулу, освободив ее от угрызений совести, которые хуже всякой тюрьмы.

Поглощенная мыслями о Руби, Урсула забывает надеть халат, присаживаясь возле секретера из красного дерева. Воскурив благовония из полыни и лавра, она смотрит, как кудрявится дымок, рисуя в воздухе письма. Вдыхая сладкий аромат, Урсула берет лиловый шелковый мешочек и вы-

сыпает его содержимое себе на ладонь.

Это карты Таро, размером больше обычных, с потрепанными уголками. Сколько же бесчисленных часов провела Урсула за гаданием. Она тасует колоду. Хоть и ветхие, карты все равно потрескивают, рассыпая электрические искры. Разделив колоду на три части, Урсула начинает делать расклад, укладывая карты поверх гептаграммы¹, вырезанной ею на откидной створке секретера восемьдесят лет тому назад.

Первая карта по центру – это Башня. Два человека, сраженные ударом молнии, падают с крепостной стены, и их поглощает огонь. Урсуле тревожно, ибо Башня обозначает их поместье – если что-то угрожает ему, значит, и все сестры в опасности.

Вторая карта, уложенная поверх первой в положении «один час», обозначает, конечно же, Табиту. Это Десятка Мечей: человек лежит лицом вниз на земле, в спину его воткнуты десять мечей. Увидев эту карту во время недавнего гадания, Урсула подумала, что неплохо бы сходить к иглотерапевту, но сейчас, при данной комбинации, она начинает нервно ерзать на стуле.

Третья, четвертая и пятая карты (в положениях относительно первой на «три часа», «половина пятого» и «шесть часов») изображают следующее: человек (скорее всего, Квини) борется с непомерной ношей; пронзенное мечами сердце

¹ Гептаграмма – правильный многоугольник с семью вершинами (любой самопересекающийся семиугольник). – *Здесь и далее – прим. переводчика.*

(Урсула); рогатое чудовище нависло над скованными вместе мужчиной и женщиной (женщина, разумеется, Иезавель). Видя перед собой столько тревожных карт, Урсула издает громкий стон.

Она поспешно выкладывает шестую, седьмую и восьмую карты в положениях «половина восьмого», «девять» и «одиннадцать часов». Урсула ахает, видя плачущего в кровати мужчину. Над ним нависли девять мечей (что символизирует вину Урсулы перед Руби), далее – скелет в доспехах на коне (это про город Кричли Хэкл), и еще двое несчастных бредут босиком по снегу (определенно Айви). Итак, перед Урсулой восемь очень плохих карт, и она сотрясается от ужаса подобно ангельскому дубу.

Расклад говорит о том, что Урсуле следует *немедленно* трубить тревогу, но однажды она уже совершила ошибку, приведшую к печальным последствиям. Поэтому лучше удостовериться на сто процентов.

Она снова тасует карты и снова раскладывает их, получив тот же страшный результат: угроза предстает перед ней еще с более яркой очевидностью – как если бы сама Богиня прислала почтового голубя с посланием: *Грядет беда, стучится в окно и ждет момента, чтобы войти в дом!*

И все равно Урсула пока не объявляет тревогу, обуреваемая сомнением. Свойство сомнений таково, что они пробивают наши защитные рефлексy, истончая самосознание, и мы больше не узнаем свой внутренний голос, перестаем ему

верить.

Урсуле уже знакомо это чувство отстраненности, когда возникает единственный порыв – трижды перепроверить все знаки и уж только потом довериться им. Поэтому она берет волшебную палочку и выходит в коридор. Одним магическим рывком она преодолевает пространство, минуя комнаты Руби и Иезавель, и оказывается возле лестницы в левом крыле дома.

И лишь увидев впереди стеклянную оранжерею Айви, охваченная паникой, она переходит на бег.

2

Суббота, 23 октября Утро

Десять минут до тревоги. Иезавель лежит в постели, ее черные волосы разметались по шелковой подушке, веки тяжелые, она с трудом открывает карие глаза. Во рту сухо, от похмелья раскалывается голова, виски словно сдавило металлическим обручем.

Сегодня ее очередь готовить завтрак, и Иезавель собирается удивить подруг, устроив блинный пикник. Разумеется, она все организует в оранжерее Айви, а не на промозглом октябрьском воздухе. Опять же, пикник на улице *автоматически* исключает присутствие на нем Табиты из-за ее прогрессирующей агорафобии.

Это будет последняя трапеза без Руби, и Иезавель ждет не дожидается возвращения сестры в их внутреннее святилище. Даже удивительно, что за время отсутствия Руби ведьмы-оторвы, совершившие одно из самых грандиозных магических ограблений всех времен, превратились в благонравных отшельниц. Теперь каждый их день точная копия другого.

Утро у них начинается с распития десятков эликсиров, тоников и смузи (несмотря на увещевания Иезавель, Айви категорически отказывается подавать их в маленьких стопках), затем – упражнения по растяжке, чтобы оградить себя

от травм, связанных с любовными утехами (Иезавель), или чтобы не сломать бедро во время натягивания компрессионных чулок (это делают все, кроме Тэбби, которая, несмотря на пользу оных, согласится носить это уродство только через ее труп).

Сестры соблюдают режим приема пищи, готовя по очереди (кроме Квини, конечно, у которой вечно все подгорает), а еще работают на винокурне. Также они вместе играют в бридж или бинго. И это теперь у них называется групповой активностью.

Как же мы дошли до такого? – спрашивает себя Иезавель. – Когда же я успела состариться? Ведь когда-то групповой активностью для меня были оргии – и чем безумнее, тем лучше.

Но ничего: вот придет Руби, встряхнет их, оживит, ибо все они превратились в ходячие трупы. Если только Руби действительно собирается вернуться домой. Если только захочет с ними общаться.

Размышления Иезавель прерывает чей-то храп: она с трудом переворачивается на другой бок и видит рядом с собой спящего голого мужчину.

– Кен? – громким шепотом зовет она и толкает мужчину в плечо. – Кен, тебе следует убраться отсюда, пока мои сестры не проснулись.

Мужчина всхрапывает и что-то бормочет, но ничего не разобрать: он лежит на животе, уткнувшись лицом в подуш-

ку.

– Что ты сказал? – спрашивает Иезавель.

Он отрывает голову от подушки:

– Я же говорю: я не Кен.

Какая досада – Иезавель не первый раз путает имена любовников, но имя этого вроде созвучно с Кеном.

– Бен? – навскидку пытается вспомнить она.

– Да нет же. – Он снова роняет голову на подушку.

Иезавель делает еще одну, последнюю, попытку:

– Может, тогда Глен?

– Господи боже мой, я Найджел, – зло говорит он, перекатываясь на спину.

«Ну и дела», – думает Иезавель.

– Как скажешь, Найджел, только тебе пора уходить.

Он приподнимается на локтях и спрашивает:

– Ты что, живешь со своими родственниками? – Это он так запоздало реагирует на ее реплику про сестер.

Иезавель могла бы сказать: да, она живет с тем, что осталось от ее семьи, но ведь Найджел другое имел в виду. Можно было бы ему объяснить. Только зачем? Он все равно ничего не вспомнит, и каждая лишняя минута его пребывания тут означает, что в коридоре он может натолкнуться на Квинни. Такое уже случалось пару раз, а Иезавель надоела нравовучения про то, что она не заботится о безопасности сестринства.

– Да, так и есть, и им не очень-то понравится, если они

тебя тут увидят. Поэтому тебе лучше уйти.

– А я-то думал, что мы еще покувыркаемся.

Найджел бросает взгляд на ее черное сатиновое negligé с плотным лифом, выставляющим напоказ грудь, что свела с ума множество мужчин и не меньшее количество женщин. Найджел игриво поводит бровями, глядя на свой вялый член, очевидно, надеясь, что он и теперь не подкачает.

Этот несчастный олух даже не подозревает, что его буйная эрекция – результат стараний Иезавель, о чем, кстати, она быстро пожалела. Некоторые мужчины, получив дар твердого члена, начинают вести себя как мальчишки – вот и Найджел из их числа. Он тыкал в нее пенисом, позабыв о ласках, заботясь исключительно о собственном удовольствии и оставив Иезавель неудовлетворенной.

Если б Найджел был хорошим любовником, как, например, тот, что помоложе, на прошлой неделе, возможно, Иезавель и позволила бы ему остаться.

– Не будет тебе больше никакого кувыркания, – говорит она, уже представляя, как он кувыркается, скатываясь вниз по лестнице. – Просто уходи.

Иезавель уже думает о том, что пикник лучше перенести в ритуальную комнату, потому что в оранжерее у Урсулы может опять разыгаться аллергия.

Да вот только Найджел и не думает сваливать.

– Будь хорошей девочкой, организуй-ка мне кофе.

– Что ты сказал? – Голос Иезавель звучит низко и обман-

чиво спокойно – так сгущается воздух на улице за минуту до урагана.

– Я бы не отказался и от завтрака, – наглеет Найджел. – Очень люблю яичницу.

Иезавель вскакивает, отчего парящая над полом кровать начинает ходить ходуном, словно палуба на море. Стремительная как ртуть Иезавель спрыгивает на пол, руки в боки, крылья носа гневно раздуваются.

Никогда прежде Найджел не видел, чтобы женщина перемещалась с такой скоростью, о чем и говорит, на собственную беду:

– Ого, для старушки ты тот еще живчик.

Глаза Иезавель гневно вспыхивают, испуская голубые искры, подобно сварочному прутку Квини. По телу Найджела пробегает судорога, словно его ткнули шокером.

Скопившаяся в Иезавель ярость рвется наружу, и она кричит:

– Пошел вон!

Найджел даже не шевелится – то ли из упрямства, то ли от страха, просто сидит и пялится на нее. Иезавель направляет указательный палец за его плечо, и брошенная на полу одежда любовника сама собой поднимается в воздух – сначала рубашка, потом брюки, галстук, ремень, трусы и ботинки с носками. С отвисшей челюстью Найджел наблюдает, как разрозненные предметы его одежды собираются в кучку, словно их держит невидимка. Не опуская правой руки, Иезавель

поднимает левую, поворачивает ее в сторону эркерного окна и щелкает пальцами.

Окно распахивается, и в комнату со свистом врывается ветер, вздымая занавески и волосы Иезавель. Будь Найджел более начитанным человеком, он сравнил бы ее сейчас с Медузой Горгоной. Иезавель снова щелкает пальцами, и сверток одежды со свистом вылетает на улицу.

– Эй! – Найджел вскакивает с кровати. – Какого черта...

– Будь хорошим мальчиком и вали отсюда, – приказывает Иезавель.

Найджел пятится к дверям со словами:

– Да ты чокнутая! Что ты как с цепи сорвалась?

Ну все. С нее хватит.

Искры, что летят из глаз Иезавель, превращаются в настоящее пиротехническое шоу. Сомкнув руки в кольцо, силой мысли Иезавель порождает огненный бирюзовый шар. Между ее пальцев трещат электрические искры. Иезавель размахивается и кидает шар в сторону Найджела.

Шар попадает ему прямо в грудь, и мужчина вскрикивает от испуга. В воздухе вьется легкий дымок, Найджел исчезает, а вместо него появляется толстопузый черный свинтус с мордой в белую полоску.

– Одежду свою найдешь на лужайке позади дома. Только в лес не забредай, не собираюсь тебя там спасать.

Собрав пальцы в щепоть, Иезавель посылает свинтусу воздушный поцелуй. Глаза свинтуса стекленеют, и на морде

расплывается идиотская улыбка.

Закончив с любовником, Иезавель захлопывает за ним дверь и со вздохом возвращается в постель. Возлежа на шелковых простынях, она закрывает глаза, пытаясь унять огонь в крови. Это плохо, что она так сорвалась. Нужно срочно отвлечься на что-то другое, пока гнев не перерос в нечто по-настоящему опасное.

И тогда она начинает вспоминать Артемиса, пятидесяти-девятилетнего специалиста по устойчивому земледелию. Иезавель познакомилась с ним несколько месяцев назад, когда ей нужно было обсудить плодородность своего можжевельника. Ах, Артемис – с глубокими ямочками на щеках, веселыми глазами медового цвета. Иезавель вспоминает его красивые руки, лукавый смех, гадая, что бы могло произойти между ними, подпусти она его ближе.

Но именно его притягательность, вызвавшая ее интерес и, да что там говорить, страстное желание, остудила пыл Иезавель. Она не стала с ним флиртовать и выстроила между ними границу. Нет, не может быть. Он всего лишь откликнулся на ее магию, не более. Отношения, основанные на колдовстве, всегда обречены на провал. Ибо мужчина, не обладающий внутренней властью, не способен отдать ей свое сердце по собственной воле.

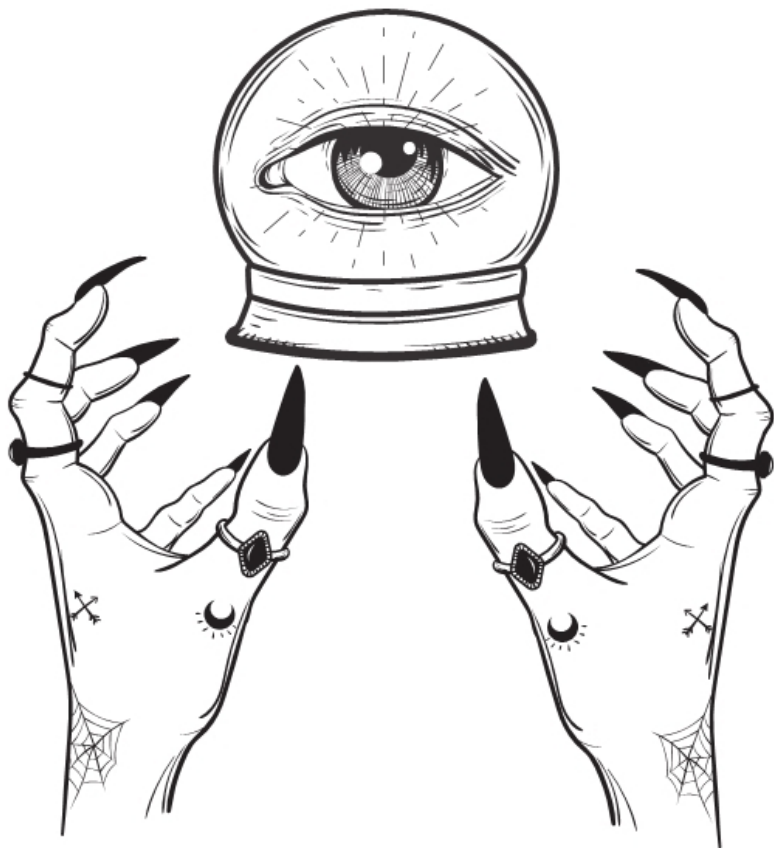
Выбросив из головы Артемиса, Иезавель вспоминает сладострастный тройничок одним знойным субботним днем. Это случилось в Тоскане, Иезавель было тогда немногим

больше сорока. Сейчас рука Иезавель тянется к шелковым трусикам: ведь порою лучше получить желаемое собственными усилиями.

Впрочем, она еще не знает, что не достигнет кульминации, потому что меньше чем через пять минут прозвучит сигнал тревоги. Такое случается, когда их ковен ² действительно находится в опасности. В прошлый раз, тридцать три года тому назад, все закончилось тем, что они потеряли двух своих сестер

² Ковен – сообщество ведьм.

Гримуар³ поместья Муншайн

³ Гримуар – колдовская книга.

Рецепт Урсулы: благовония из полыни и сладкого лавра

Ингредиенты:

3 ч. л. молотой полыни

3 ч. л. молотого сладкого лавра

1 ч. л. корня алтея

1 ч. л. меда

1 ст. л. воды

Утварь:

Латунная чаша для заклинаний

Ступка и пестик

Кулинарный конус

Зубочистка

Способ приготовления:

Лавр и сушеную полынь добавьте в чашу и перемешайте. Пересыпьте в ступку и измельчите с помощью пестика. Снова пересыпьте в чашу. Добавьте корень алтея. Медленно добавляйте воду, постоянно помешивая смесь. Добавьте мед и хорошенько перемешайте. Поместите часть смеси в небольшой кулинарный конус, плотно утрамбуйте ее. Зубочисткой сделайте в конусе отверстие. Постучите конусом об стол шесть раз, чтобы освободить его от полученной массы, помогая себе зубочисткой. Повторите процедуру, пока не израсходуете всю смесь.

Выложите конусы на подоконник и дайте им просушиться на солнце. Через день или два переложите их в герметичный контейнер. Воскуряйте данное благовоние, способствующее ясновидению, в хорошо проветриваемой комнате.

3

Суббота, 23 октября Утро

Айви щурится в полумраке. Обычно ее оранжерея залита солнцем, но сейчас оно спряталось за грозowymi тучами. Айви сокрушенно качает головой, и сумеречно-розовые камелии в ее седом пучке разделяют эмоции хозяйки. Эти цветы Айви вывела сама, чтобы получить свой самый любимый аромат – аромат летнего дождя.

Айви поднимает руку, чтобы протереть запотевшие очки: рукав ее балахона задирается, оголяя предплечье, покрытое яркими татуировками, скорее подходящими на гравюры. Все они – как замена семейному фотоальбому, и тут запечатлены самые важные, поворотные события сестринства. Грусть и потери – это шипы и колючки, а самые радостные моменты – пчелиные соты и колибри.

Пошарив в глубоких карманах балахона, Айви достает волшебную палочку из вяза и крутит ею словно заправский жонглер. «*Кларесце*»⁴, – щебечет Айви, и над рабочей зоной появляется ореол света.

Убрав палочку в карман, Айви поворачивается к трупному цветку, купленному ею самолично на острове Суматра много лунных циклов тому назад. Она глядит на цветок по-

⁴ *Claresce* – светись (*лат.*).

верх очков в тонкой металлической оправе. Глаза у нее глубоко посаженные, до удивительного зеленые, а лицо обветренное от постоянного пребывания на воздухе.

– Не скромничай, малыш, давай показывай, что с тобой случилось, – уговаривает Айви, проводя измазанными в земле пальцами по основанию растения.

Мальши – это, конечно, шутка, потому что трупный цветок великаном возвышается над Айви, которая и сама-то в юности была ростом шесть футов и три дюйма ⁵. Сейчас, находясь в весьма преклонном возрасте, Айви усохла до шести – так что она просто Дюймовочка по сравнению со своим двенадцатифутовым ⁶ питомцем. Справедливости ради, почти все растения в оранжерее выше Айви. Вот вам результат хорошего ухода.

Помнится, еще подростком каждый день она проделывала путь в восемь миль ⁷, не меньше, собирая образцы растений в рощах и вдоль русел рек. Теперь же, когда в двух милях к востоку появился новый гипермаркет, а год назад на западе, словно ядовитые грибы, стали вырастать новые особняки, Айви гуляет исключительно по периметру поместья. Но даже если не покидать собственной территории, от горожан уже нет никакого спасу, потому что они только и делают, что оскверняют их землю.

⁵ Около 190 см.

⁶ Около 720 см.

⁷ Примерно 13 км.

Свидетельства этому появляются каждое утро – презервативы и пустые бутылки из-под выпивки, недогоревшие в кострах коробки из «Макдональдса» и Тасо Bell ⁸. Но самое ужасное – это грязные надписи вроде «суки» и «иллюхи». Их вырезают на стволах деревьев или распыляют из баллончиков на камнях. Злоба к обитательницам поместья Муншайн разрастается с тревожной стремительностью.

Сегодня утром Айви залечила кору двух изуродованных деревьев и убрала еще одну кучу мусора, прежде чем поспешить в оранжерею к своему трупному цветку. Ура, его покрывало (оно похоже на сращенные лепестки, соцветие, но на самом деле это огромный преобразенный листок) налилось пурпуром и опушилось. Это хороший знак. Значит, скоро трупный цветок распустится.

Покрывало трупного цветка прикреплено к огромному желтому початку. Отсюда и его научное название – *Аморфаллус титанум* ⁹. Смешно, но с латыни это переводится как *гигантский преобразенный фаллос*. (Определенно название цветку давал ботаник мужского пола. Ибо любая уважающая себя ведьма узрела бы в початке сходство с волшебной палочкой. А цветок назвала бы *Виргула титанум* ¹⁰ –

⁸ Тасо Bell – международная сеть ресторанов быстрого питания.

⁹ *Amorphophallus titanum* (лат.).

¹⁰ *Virgula titanum* (лат.) – переводится как «огромное влагалище». Дело в том, что трупный цветок – однодомное растение, то есть у него есть и мужские, и женские цветки. Початок – мужской цветок, а покрывало – женский. И его углубление называется влагалищем.

ему это больше подходит.)

Айви хочется не просто застать сам период цветения (что случается раз в десять лет, и тогда цветок воняет словнодохлое животное, да и по окраске напоминает сырое мясо), но и собрать драгоценную пыльцу. Айви заморозит ее, часть разошлет по самым престижным оранжереям мира, а другую часть использует для изготовления самых искусных эликсиров (в том числе защищающих сестринство) и для совершення самых мощных заклинаний (вроде того, что собиралась сотворить Руби много лет назад).

Айви подзывает двуногую стремянку, и та с грохотом идет в ее сторону. Снаружи слышатся чьи-то шаги. Должно быть, это Урсула, но отчего-то поступь ее тороплива.

Что за срочность такая?

Айви придерживает полы балахона, чтобы подняться на стремянку, и на этот раз слышит, как кто-то семенит по коридору на четырех лапах. По звукам похоже на свинью.

Понятно. Очередной кавалер Иезавель, – думает Айви, насмешливо качая головой и одновременно испытывая некоторую зависть. – У нашей Иезавель – сплошной праздник из фаллосов, а у меня – ноль. – Айви смотрит на огромное растение. – Ну, этот фаллос не в счет.

Айви гадает, куда так торопится Урсула, вспоминая, что в последние дни та вся на взводе. Впрочем, все нервничают перед возвращением Руби, потому что конфликт не исключен. Да что там говорить, Айви и сама стала дерганой. Неиз-

вестно еще, как отнесется ко всему Табита, которая очень сильно обижена на Руби – ведь никто тогда не смог отговорить Руби от ее затеи. Да и сама Руби тоже придет с собственными обидами и горестями. Ее многолетнее молчание – красноречивее всяких слов.

Тревога сродни креслу-качалке, – уже в который раз повторяет про себя Айви. – Вроде есть чем себя занять, но с места не двигаешься.

Впрочем, никакие философствования не способны унять нарастающую тревогу.

Суббота, 23 октября Утро

Библиотека у ведьм расположена на первом этаже. Табита сидит в честерфилдском ¹¹ кресле времен королевы Анны ¹², вдыхая столь любимый ею запах старых книг и пергаментов. Она перелистывает ветхую страницу тома в зеленом кожаном переплете, точь-в-точь таком же, как обивка ее кресла. Эта книга – раннее издание «Холодного дома» Чарльза Диккенса. Сим чтением Табита буквально отмеряет течение времени.

Да, вместо того чтобы глядеть на песочные часы, она поглощает страницу за страницей, и каждая следующая страница приближает ее к долгожданному дню – возвращению Руби, за которым должны последовать ее извинения. Это не вернет Табите утерянного – ведь некоторые вещи, отнятые однажды, не подлежат восстановлению. Но Табита уверена, что это событие станет для нее необходимой отправной точкой, чтобы затребовать свою жизнь обратно, чтобы это заточение закончилось.

Как-то одна из ведьм (кажется, Квини) сказала, что у Табиты лицо упокоившейся ведьмы. Не самое приятное наблю-

¹¹ Мебель Честерфилд – мебель в стиле барокко XVII–XVIII веков. Первым такую модель заказал для себя четвертый граф Честерфилдский.

¹² Годы правления – 1700–1755.

дение, но верное – потому что смуглые щеки Табиты стали впалыми, словно она пососала лимон, не запив его привычным глотком текилы.

Темные подвижные глаза Табиты – словно грузики, не позволяющие ее неодобрительно приподнятым бровям совсем уползти наверх. А ее пышные африканские волосы напоминают черное полнолуние. Выражение лица у Табиты несколько высокомерное, будто она только и ждет, что окружающий мир ее разочарует. Ирония заключается в том, что так оно и случилось.

Табита не всегда была такой. Когда-то она была «оком вулкана» на любом сборище. Черт возьми, именно она их и устраивала, служа своего рода воротами, сквозь которые внешнему миру было позволено проникнуть в замкнутое царство ведьм.

Люди тянулись к Табите, и ее безразмерное сердце способно было вместить всех и еще одного. Все восхищались ее чувством стиля и славным зверинцем. На званом вечере она могла появиться со змеей, обвивающей ее шею словно шарф, или с обезьянками-верветками, свисающими с ее рук подобно рукавам, или с птицами, устроившимися в ее прическе как в вороньем гнезде на пиратском корабле.

Но все это относилось к временам, когда Табита могла спокойно выйти из дома, чтобы познакомиться с людьми, посетить свой зверинец или просто заняться шопингом. А потом Руби поставила на всем этом точку.

Встревоженная завываниями ветра, ворона Виджет покидает свое любимое место на верхней полке и кружит вокруг рельсовой лестницы, задевая распростертым крылом накладные плечи Табитинового платья в горошек. Наконец птица примостилась на жердочке возле своей хозяйки и успокоилась.

– Какая ж ты у меня умница, Виджет, – ласково говорит Табита и переворачивает страницу, но ее чтение прерывает шум на парадной лестнице.

Табита поднимает голову: по лестнице спешно спускается голая и рассеянная Урсула. Тэбби вздергивает бровь, но молчит. В конце концов, у каждого свои причуды.

Табита поднимает руку и гладит воронье крыло. Но птица никак не реагирует, устремив взгляд на эркерное окно. Там по периметру поместья смыкается, наступая, густой лес, и с каждым годом отбрасываемая им тень становится все ближе.

Но для Табиты это неважно: всем сердцем она желает воссоединиться со своими несчастными брошенными животными, что зовут ее и днем, и ночью, и особенно ночью, пронзая воем темноту.

Табита и так страдает ужасной бессонницей, но ей даже спокойно посидеть не дают – накануне в два часа ночи, когда она была в библиотеке, Иезавель притащила в дом очередного хахаля.

– Вот же шлюха, – пробормотала тогда Табита вослед Иезавель.

И тогда Виджет озвучила своим скрипучим голосом истинные мысли Табиты: «Эх, вот бы мне так».

Ибо разве не ревность – причина наших резких суждений о других? Разве мы не завидуем, что кто-то другой осмелился жить так, как мы сами не смеем или не можем в силу разных обстоятельств? К чести Табиты, она стоически воспринимает мягкие укоры вороны, отдавая дань ее острой наблюдательности. Кстати, именно из-за Руби Табита уже много десятилетий лишена изысканных ночных удовольствий, когда с тобой в постели спит мужчина, положив руку на твое голое бедро.

Увидев, как по лестнице спускается пузатый свинтус, Табита бормочет:

– Ну что ж, этот болван получил по заслугам.

А Виджет говорит каркающим голосом:

– О, как мне не хватает этой любовной страсти, всей этой драматичности.

За прошедшие годы Табита повидала множество голых мужчин, уходящих отсюда с позором. Некоторые бывали тут дважды, правда, с большим перерывом. Вряд ли Иезавель даже заметила это, а уж сами они точно не помнили. Прощальный воздушный поцелуй Иезавель с заклинанием «*Obliviscere*»¹³ лишает их памяти о произошедшем.

Впрочем, не каждый день Иезавель превращает мужчин в свиней. Должно быть, этот оказался особенно омерзитель-

¹³ Obliviscere – забвение (*лат.*).

ным. «О чем она вообще думает?» – бормочет Тэбби, глядя на входящего в библиотеку свинтуса. – «Мне что, больше нечем заняться?»

– Наконец что-то интересненькое, – изрекает Виджет. Если б вороны умели потирать крылья от удовольствия, Виджет именно так сейчас бы и поступила.

Тэбби щелкает языком, и свинтус подбегает к ней и обнюхивает, словно ожидая угощения. Табита протягивает руку к розовому пяточку, свинтус тыкается мордой в ее ладонь и разочарованно отходит.

– Кыш отсюда, – говорит Тэбби.

Свинья покидает библиотеку, останавливается в вестибюле и смотрит в сторону кухни.

Вздыхнув, Тэбби оборачивается к вороне, которая каркает на латыни: «*Ин хоминем мута*»¹⁴.

Воздух трещит, и свинтус превращается в голого мужчину. Этот человек совсем неинтересен Тэбби, ведь не он является главным нарушителем их спокойствия, хотя она не понимает, как он умудрился пробраться сюда ночью незамеченным. Тэбби поворачивается к вороне – оперение такое черное, что порой кажется, птица должна бы оставлять после себя следы сажи. А еще Тэбби с благодарностью думает, что остается в своей родной обстановке и стены дома по-прежнему охраняют ее словно в теплом коконе.

Но разве такое возможно навеки? Стоит лишь к чему-то

¹⁴ In hominem muta – превратись в человека (*лат.*).

привыкнуть, как у тебя это отнимают.

Гримуар поместья Муншайн

Рецепт Иезавель для приготовления свечей, притягивающих любовников

Ингредиенты:

- 1 восьмидюймовая розовая свеча
- 1 горсть свежих лепестков роз
- 1 ст. ложка эфирного масла розы
- 1 ч. л. эфирного масла фиалкового корня
- 1 ч. л. эфирного масла жасмина
- 1 ч. л. эфирного масла жимолости
- 1 ч. л. эфирного масла гардении
- 1 ч. л. эфирного масла имбиря

Утварь:

Острый нож для вырезания

Небольшая чаша вроде тех, что используют для специй или соевого соуса

Пара компостируемых защитных перчаток

Способ приготовления:

На одной стороне свечи вырежьте свои инициалы и знак зодиака, а на другой – инициалы и знак зодиака вашего предмета любви. (Если вы вдруг порежетесь, Айви посоветует вам смазать рану целебной мазью, но вы ее не слушайте. Потому что капля крови способна усилить ваше заклинание.)

Вылейте все эфирные масла в чашу. Наденьте перчатки и вылейте содержимое на ладонь. Потрите ладони друг о друга, смазывая перчатки маслом, а после этого тщательно вотрите его в свечу. Посыпьте на свечу свежие лепестки роз, чтобы

они прилипли к ней. Занятие это хлопотное, но ведь такова и сама любовь.

Снимите перчатки и выбросьте их в компостную емкость. Тщательно вымойте руки и зажгите свечу.

Пусть она догорит до конца, пока вы будете доставлять себе удовольствие, думая о своем возлюбленном.

Суббота, 23 октября Утро

Урсула наливает кипяток в чашку для гаданий, перемешивая в ней листья мяты. Чтобы поставить на место медный чайник, ей приходится наклониться над плитой, и тогда ее голые груди обнимают котел словно давно потерянного друга. Через секунду Урсула стоит возле широкого дымохода, поглаживая обожженную грудь, и тут видит, как из библиотеки в фойе выходит пузатый свинтус.

Животное останавливается и смотрит на Урсулу, втягивая воздух пяточком. Вдруг раздается треск, и свинья превращается в голого мужчину с серыми усами и жидкими седыми волосами. При виде родственной души, столь же голой, как и он сам, незнакомец удивленно моргает. Кажется, он совершенно не помнит, что секунду назад представлял собой домашнее животное.

Незнакомец окидывает ведьму оценивающим взглядом, и Урсула прекрасно представляет, что именно он сейчас видит перед собой: плотно сбитую женщину с лишним жирком на талии, успевшим скопиться за последние двадцать лет; обвислые груди в синих змеистых венах, фиолетовый варикоз на ногах, что подобен взбирающемуся до колен плющу; попа и бедра в целлюлите, кожа – белая, почти прозрачная; грубоватый, слегка сглаженный возрастом подбородок; ярко-си-

ние глаза и седая короткая стрижка.

Нагло рассмотрев ее, мужчина кивает в сторону раны на груди:

– Ношение лифчика весьма способствовало бы успеху вашей схватки с гравитацией.

Урсула опускает голову и смотрит на отвислые бубенчики незнакомца – рука так и тянется хлопнуть по ним в порядке эксперимента с этой «колыбелью Ньютона»¹⁵. Ей тоже хочется посоветовать ему надеть трусы, чтобы не позориться перед гравитацией. Но в силу своей природной воспитанности Урсула воздерживается от комментариев.

Приветственно приподняв «шляпу», мужчина говорит:

– В таких случаях хорошо помогает вазелин. Я тоже однажды... эээ... обжег чувствительные участки тела. – Он морщится, инстинктивно прикрывая рукой мошонку. – И пока они не зажили, толку от них не было никакого. – С этими словами он разворачивается и уходит, бросив через плечо: – Хорошего вам дня.

Незнакомец идет к дверям, виляя задом.

Сокрушенно покачав головой, Урсула возвращается к своим делам. Она и так потеряла уйму драгоценного времени.

¹⁵ Механическая модель с шариками, демонстрирующая преобразование кинетической энергии в потенциальную.

Суббота, 23 октября Утро

Квини застряла в туннеле, соединяющем винокурню с особняком. Она должна была вернуться домой после устранения очередной поломки в оборудовании – денег на новые запчасти нет, так что приходится изощряться. Дела совсем плохи, и скоро станет невозможно скрывать проблемы от сестер.

А теперь и вагонетка сломалась. Квини спрыгивает на рельсы и садится на корточки, зажав коленями полы своего балахона. Заправив седые пряди за уши, она заглядывает под вагонетку.

По туннелю змеится сквозняк, и пламя настенных факелов колыхнется и мигает. Романтичные Урсула и Айви очаровываются этими плясками огня, но Квини они бесят.

Ведь если б еще десятки лет назад они провели везде электричество, о чем просила Квини, сейчас у нее был бы стабильный источник света и она смогла бы спокойно рассмотреть, что случилось с вагонеткой. Да и с поломками на винокурне было бы проще справляться.

Так нет же – Айви, Тэбби и Урсула талдычат, что прогресс нужен лишь тем, кто не владеет магией. Квини просила Иезавель поддержать ее просьбу, но та лишь пожала плечами в своей раздражающей манере, сказав, что все нужные

ей прибуды работают на батарееках. Впрочем, если б дело действительно дошло до голосования, она бы приняла сторону Квини.

А теперь и голосовать-то без толку, потому что на электричество денег нет.

Выпрямившись, Квини отряхивается и пытается вспомнить, куда запропастилась ее волшебная палочка. Отвертки или гаечные ключи она обычно засовывает за борт ботинок – может, палочка там? Увы, нет.

Квини проверяет карманы. Из одного вытаскивает два карандаша, транспортир, лупу, три пипетки, ягоды можжевельника и швейцарский армейский нож, из второго – наполовину выкуренный косячок, резиновую пищалку для собаки, батончик «Сникерс», блистер с таблетками от изжоги и три помятые бумажки.

На одной из них нарисована карта, с которой Квини никогда не расстанется. От долгого использования карта совсем истончилась в местах сгибов, а остальные две бумажки – счета с красным штемпелем «САМОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ». Звучит довольно оскорбительно, и у Квини начинает сильно колотиться сердце: она знает, как бы отреагировали сестры-ведьмы, если бы у нее не хватило ума перехватывать почту, адресованную Айви.

К счастью, через два дня приедет Руби, и есть шанс, что никто так и не узнает о требованиях банка. Именно Руби втянула их в эту ситуацию, так что пусть и помогает выпуты-

ваться. И при этом пусть держит свой поганый рот на замке. Если уж вспомнить хорошенько, это самое малое, что обязана сделать для нее Руби.

Квини хмурится и убирает счета в карман. Если верить городским слухам, не они одни колотятся, сводя концы с концами. А еще недавно ушел с молотка бывший дом Магнуса вместе с землей. При мысли о Магнусе Квини сглатывает ком в горле, разрывает зубами обертку «Сникерса», откусывает половину батончика и снова ныряет под вагонетку.

Квини изворачивается как может: даже вагонетку сделала из ничего, притащив из парка развлечений лошадку из стеклопластика, тянущую прицепом тыкву Золушки.

Ездить можно двумя способами: верхом на лошадке или усевшись в тыкву. Квини, естественно, предпочитает лошадку – только она не любит кататься как дамочка, свесив ноги на одну сторону. Иезавель тоже ездит верхом, но по другой причине – ей всегда нравится ощущать между ног что-то твердое. Остальные ведьмы садятся позади Квини в тыкву. Настоящее имя Квини – Сибилла, но в детстве она провозгласила себя предводительницей, вот девочки и прозвали ее Квини.

Лошадку с тыквой Квини переставила на колеса, подогнав их под колею, и теперь ездит туда-сюда, перемещая на винокурню все нужное, а обратно домой – запасы вина. То есть она, конечно, ездит, пока ее вагонетка вдруг не ломается, как сейчас. Застряв на полпути, Квини злится, пытаясь починить

ее. Злится, что на нее повесили починку *всего и вся в их поместье*.

Слава Богине, что в подвале дома у Квини имеется мастерская и лаборатория в одном флаконе. Именно там она и колдует над своими изобретениями, перетряхивая всякие железяки и приспособления, уговаривая их поработать хотя бы еще немного. Там же в мастерской Квини рисует чертежи, создавая самые фантастические вещи. Это место – воплощение ума Квини и продолжение ее души.

И сама мысль, что все это придется оставить, заставляет ее сердце сжаться от боли.

Суббота, 23 октября Утро

За тридцать минут и тридцать семь секунд до объявления тревоги Урсула возвращается к своей чайной паре, что стоит на большом дощатом столе. Урсула дует на чай, отпивая его мелкими глотками. Если до этого ей приходилось терпеть мигрень и пульсирующую боль от ожога на груди, сейчас она еще и язык обожгла.

Когда чая остается на доньшке, Урсула приступает к ритуалу вращения. Аккуратно поставив чашку с золотым ободком на левую ладонь, правой рукой Урсула совершает тройное вращение по часовой стрелке, затем переворачивает чашку вверх дном, составив ее на блюде, выжидает минуту, снова вращает чашку три раза и, наконец, переворачивает ее обратно так, чтобы ручка указывала на юг.

Чайные листья налипли на стенки и края чашки: Урсулу интересуют те знаки, что описывают сегодняшний день и ближайшее будущее. Густое скопление листьев на стенках образует устрашающую темноту, и Урсула тихо вскрикивает. Она быстро переводит взгляд на край чашки и видит, что все указывает на неминуемую опасность в ближайшем будущем. Темную массу она трактует как единорога, держащего зеркальный шар.

Урсуле становится страшно, пальцы сводит судорогой.

Чашка летит на пол и разбивается возле ее босых ног. Чайные листья перепутались, и уже невозможно перепроверить, правильно ли она все увидела.

Можно бы повторить ритуал с другой чашкой, но тупая боль в голове вдруг концентрируется в одной точке, словно заряд, грозящий взорваться. Шарик боли мечется в мозгу, словно отскакивая от стен зеркальной комнаты, в которой ей и приходит видение.

И тут не может быть никакой ошибки: защита, которую давали растения Айви, преодолена, и стены замка проломлены. Грядет катастрофа.

Урсула тянется к волшебной палочке, направляет ее кончиком вверх и бормочет с закрытыми глазами: «*Grave periculum*»¹⁶.

Волшебная палочка брызжет серебристо-красными искрами, Урсула тревожится, и тревога эта сродни пустынному ветру, задувающему сквозь зазубренные трещины ее души.

Иезавель уже почти достигла крещендо, оргазм уже подкатывает девятым валом, как вдруг звучит сигнал тревоги. Иезавель чувствует онемение во всех клеточках, и все ощущения пропадают.

Иезавель погружается в молчаливую тьму, где нет ни обоняния, ни зрения, ни осязания. О, и это наихудший опыт для отъявленной гедонистки. И тогда Иезавель кричит, кричит и

¹⁶ Grave periculum – страшная опасность (лат.).

даже не слышит собственного голоса.

Сигнал тревоги застигает Айви в оранжерее, когда она делает надрез на трупном цветке. Скальпель выскользывает из ее дрогнувшей руки, порезав палец, и со звоном падает на землю.

Айви воспринимает тревогу как нечто, загрязняющее все чувства, и ее словно окутывает клубящийся сернистый туман. Покачнувшись на стремянке, она буквально задыхается от этой химической вони. Айви хватается за цветок, чтобы не упасть, и слышит механические лязг и дребезжание – эти звуки настолько громкие, что кажется, будто в голове ее шагает, набирая обороты, промышленная революция.

Страх туго стягивает горло, обвивает подобно глицинии японской. «Неужели опять?» – шепчет Айви. Нет, ее старое сердце просто не выдержит такого во второй раз.

С пальца срывается капля крови и шлепается на дорожку между растениями. Как странно: в ту ночь, когда их мир был искромсан на мелкие кусочки, у Иезавель была точно такая же помада ярко-алого цвета.

Табита слышит тревогу не так, как в первый раз.

Сейчас тревога напоминает начальные аккорды погребальной песни, исполняемой на органе. В глазах темнеет, словно Табита лежит лицом вверх в могиле и на нее сбрасывают песок, лопата за лопатой. Что до Виджет, то у нее такой вид, будто ей переломали крылья.

Тревога звучит как приговор: Табита хватает воздух ртом и даже пытается зачерпнуть его руками, чтобы глотать, глотать, только бы не задохнуться.

Когда Урсула объявляет тревогу, Квини как раз роется в ящичке под седлом лошадки, пытаясь отыскать свою свое-нравную волшебную палочку. Жуткий звук несется по туннелю подобно невидимому взрыву, сбивая с ног. Квини валится на землю слабая, беспомощная, с полным ощущением, что больше никогда и никому не сможет быть полезной.

Эта мысль кажется ей сокрушительной: ведь несмотря на все свои сетования она частенько говорит себе, что другой судьбы ей и не надо, кроме как решать все проблемы сестер и заботиться о них.

Но постепенно силы возвращаются. Сначала Квини проверяет, может ли согнуть пальцы, а затем, опершись на руки, поднимается с земли. Смахнув упавшие на глаза дреды, она обнаруживает в волосах волшебную палочку. Так вот куда она ее засунула.

Чертыхаясь, Квини пытается удержать равновесие. Убедившись, что ноги не подведут, она бежит к сестрам и к дому

– двум главным составляющим ее жизни.

8

Суббота, 23 октября Утро

В панике все спешат на кухню, где их ждет Урсула: почему-то она голая и дрожит, приложив руку к своей огромной груди.

Квини поднимает с пола волшебную палочку Урсулы и собирает осколки чашки возле ее босых ног.

– Какого хрена? Что вообще происходит? – властным голосом спрашивает она, пока остальные женщины пытаются выйти из оцепенения.

Нервы Урсулы на пределе, и она не может сконцентрироваться и направить свои мысли в нужное русло. Пока Урсула начинает сбивчивый рассказ, Айви вытаскивает баночку с целебной мазью, которую всегда носит при себе, макает туда палец и аккуратно смазывает ожог на груди Урсулы, стараясь не делать надавливающих движений.

Урсула морщится, но уже через несколько секунд жгучая боль начинает утихать. Прервав рассказ, она бормочет «спасибо», благодарно сжимая хрупкую, как у птички, руку Айви.

Иезавель снимает шелковое кимоно и, оставшись в черном negligé, оборачивает его вокруг Урсулы и прижимает к себе подругу.

– Слышала, что бразильская эпиляция выходит из моды, –

шепчет Иезавель, многозначительно кивая в сторону пышного холмика Урсулы. – Так что ты в тренде, сестренка.

– Спасибо, Иеза, – с улыбкой говорит Урсула. Иезавель умеет поддержать добрым словом.

Квини нетерпеливо покашливает, и Урсула продолжает рассказ. Когда она доходит до эпизода про голого мужчину, все головы поворачиваются в сторону Иезавель. Та пожимает плечами, словно желая сказать: *ну конечно же он шел от меня.*

– Ты что, из-за этого объявила тревогу? – спрашивает Квини Урсулу. – Он напал на тебя? Он что, раньше пытался проникнуть в наш дом? – Квини хотела бы извиниться, что не смогла защитить Урсулу, но вопросы ее скорее похожи на грубые тычки.

– Нет, – отвечает Урсула.

Она хочет рассказать о видении, пытаясь представить все так, что оно – единственное свидетельство о неумолимой угрозе, а потому она и не стала повторять расклад на картах и гадать по листьям.

– И что это было за видение? – не отстаёт Квини. – Ну, говори! – И тут ее осеняет страшная догадка. Голос ее становится низким, и каждое слово проникнуто страхом: – Это как-то связано с Руби?

Одного упоминания имени Руби достаточно, чтобы в животе Урсулы запорхали тысячи бабочек. Если сестры узнают о ее причастности к тому, что произошло с Руби, они нико-

гда не простят ее.

Урсула отрицательно мотает головой, вспоминая два зловещих знака, увиденных ею в чайных листьях: первый – на краю чашки (это о настоящем), а второй – на стенках (ближайшее будущее). Она стряхивает с себя оцепенение, зная, что паромщик Харон прибудет лишь через несколько дней, а это значит, что у них еще есть время перед общением с этим самым могущественным в мире темным колдуном.

Но сейчас надо сосредоточиться на главном.

– Я видела приближающуюся толпу горожан. Вот мы сейчас говорим, а они уже идут сюда.

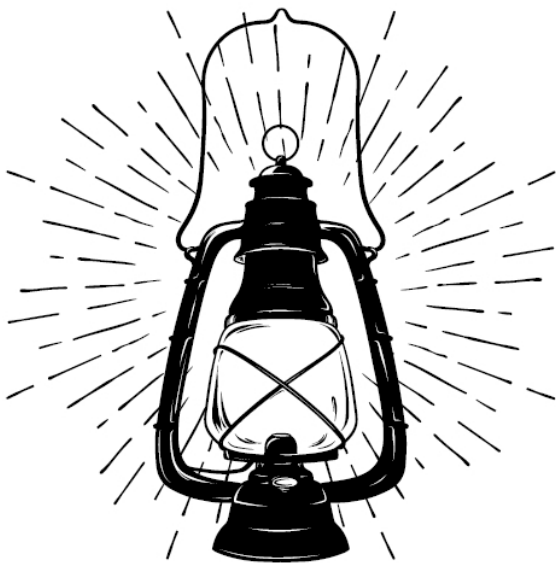
– Во имя великой Богини, почему ж ты сразу не сказала? – Голос Квини снова звучит раздраженно. – Значит, это все-таки связано с Руби? Они хотят выразить протест против ее возвращения?

– Нет, я так не думаю, – говорит Урсула. – Впереди толпы едет кран с ядром для сноса зданий.

Айви пренебрежительно фыркает:

– К нам едет кран, чтобы снести наш дом? Но такого быть не может. – После смерти Мирабель шестьдесят лет назад поместье перешло к ее внучатой племяннице, то есть к Айви. Трудно представить, чтобы кто-то попытался оспорить наследство. – У них на это нет полномочий, – резко заявляет Айви и поворачивается к их предводительнице, уверенная, что та немедленно прояснит данное недоразумение. – Квини, скажи, что это так.

Но Квини опускает глаза. Она больше не донимает Урсулу расспросами, рот ее скорбно изогнут. Кажется, что эти две квитанции с последним предупреждением прожигают ее карманы.

Гримуар поместья Муншайн

Рецепт Иезавель по уходу за нижним холмиком

Эпиляция укромных уголков на теле – это вчерашний день. Пусть твой холмик будет пышно покрыт седыми волосками. Это и есть самый естественный способ украшения

твоей роскошной ваджаджи ¹⁷, ибо седина подобна серебряной мишуре, оттеняющей красоту твоей груди.

Ингредиенты:

½ чашки масла виноградных косточек

¼ чашки масла жожоба

2 капли эфирного масла мяты перечной

2 капли эфирного масла розмарина

2 капли эфирного масла лимонной травы

1 капля эфирного масла камфоры

5 капель эфирного масла лаванды

Утварь:

Маленькая бутылочка для настойки

Способ приготовления:

Слейте все масла в бутылочку для настойки и перемешайте, встряхнув. Из полученной смеси нанесите 5 капель на лобок, втирая их пальцами в лобковые волосы. Не убирайте руку, а насладитесь ощущением, что вы и есть богиня с «пышным холмиком».

¹⁷ Ваджаджа – интимная часть тела.

Гримуар поместья Муншайн

Ингредиенты:

1 щепотка распущенных листьев мятного чая

1 чашка горячей воды

Утварь:

Белая чашка с блюдцем

Наставление:

Положите щепотку листьев мяты в чашку, залейте кипятком. Пока вода остывает, предайтесь размышлениям. Когда чай уже не обжигаете горяч, отпивайте его мелкими глотками. Когда на доньшке останется самая малость жидкости, приступайте к ритуалу кручения. Держа чашку на левой ладони, совершите три вращения по часовой стрелке. Затем той же рукой аккуратно переверните чашку, поставив ее на блюдце. Подождите минуту и снова совершите тройное вращение. Переверните чашку обратно так, чтобы ее ручка указывала на юг. Чайные листья должны налипнуть на чашке определенными скоплениями, которые и следует подвергнуть толкованию.

Чаще всего листья образуют пять видов символики: животные, мистические существа, предметы, буквы и цифры. Перед вами также появятся три типа пророчества. По листьям на краях чашки мы гадаем о настоящем, по листьям на

боках – о ближайшем будущем, по листьям на дне – о далеком будущем. Для правильного толкования доверьтесь своим инстинктам.

Суббота, 23 октября Полдень

Когда через семь минут звонит дверной звонок, все удивлены, ибо никто не ожидает от прибывающей толпы такой вежливости.

Все ведьмы уже одеты и стараются держаться вместе. Нет только Табиты, и где она – неизвестно. Сплетя мизинцы точно так же, как они это делали, будучи детьми, ведьмы молча считают до трех, подбадривая друг друга тихим пожатием. Затем они расцепляют пальцы и достают из карманов свои волшебные палочки.

Квини делает шаг к двери, за ней толпятся остальные, и наконец из библиотеки выходит Табита. Квини тянет на себя двойные двери с искусной резьбой. Двери распахиваются вовнутрь, впуская ветер. На ведьм, словно конфетти, летят опавшие листья.

Айви, Иезавель и Урсула улыбаются, ибо воспринимают это как благословение, посланное Богиней. Квини, напротив, хмурится, стряхивая листья с лица. Женщины заглядывают через ее плечо, предполагая увидеть на пороге грозных мужчин с вилами и горящими факелами. Но перед ними стоит девочка, похожая на маленькую фею.

У девочки молочно-белая кожа и светлые, почти белые волосы, которые торчат во все стороны, что делает ее похо-

жей на одуванчик. Глаза у маленькой феи голубые, как лазурит – у каждой из ведьм на шее висит на кожаном шнурке подвеска именно из этого камня, ведь лазурит служит защитой от психического нападения. Почему-то, непонятно почему, но эта девочка кажется Айви очень знакомой.

Ветер толкает девочку в спину. Трудно сказать, сколько ей лет, наверное, около двенадцати. Девочка не сдаётся под напором ветра, широко расставив ноги. На шее у нее, словно праздничный флажок, развевается голубой шарф, руки засунуты в карманы красного пальто, которое велико ей на несколько размеров. И даже это пальто кажется Айви знакомым, но она никак не может выцарапать его из своих воспоминаний.

Неправильно истолковав появление девочки, Квини говорит:

– Сегодня мы не можем купить у тебя выпечку, милая, приходи в другой раз.

– О нет, я не из скаутов, – чирикает девочка, хотя манерой общения очень даже похожа на скаута. – Я Персефона, президент местного отделения Всемирной ассоциации юных феминисток.

Это так похоже на флешбэк из юности Квини, что она переспрашивает:

– Что ты сказала?

Персефона вдруг вспоминает, что имеет дело с пожилыми дамами, и повторяет погромче и медленно, растягивая слова:

– Я Персе-фоона, пре-зидент местного отделения Всемирной ассоци-ации юных феминисток.

– Это-то я поняла с первого раза, – говорит Квини. – Просто я не поняла, что ты тут делаешь.

– О, я пришла бороться с патриархатом, – говорит девочка и расплывается в широкой улыбке.

Квини оборачивается к сестрам: она точно не ослышалась? Судя по удивленным лицам, нет.

– Ты борешься с патриархатом? – переспрашивает Квини.

– Ага, – кивает Персефона. – Много, очень много мужчин направляются сейчас к вам, чтобы разрушить ваши дом и винокурню? – Непонятно почему, но утверждение звучит как вопрос. – А мы тут для того, чтобы помешать им.

Квини глядит через плечо Персефоны, ожидая увидеть еще кого-то.

– *Вы?* То есть пришел кто-то еще из вашей ассоциации?

Персефона заливается румянцем.

– Нет. В нашем городе я пока единственный ее член. Но со мной Рут Бейдер Гинзбург, так что можно считать, что нас двое. – Персефона хлопает по ноге и зовет: – Рут! – И к ней подбегает итальянская борзая в вязаном ошейнике.

Пока Квини пытается прийти в себя от удивления, следующий вполне логичный вопрос задает Айви:

– А откуда ты узнала, что они идут сюда?

Но Персефона не успевает ответить: с дороги на территорию поместья с грохотом заезжает огромный строительный

кран. Он пересекает аллею с деревьями и мчится прямо на дом через лужайку. С его длинной стрелы свисает страшное ядро, которое раскачивается с большой амплитудой. А за краном шагает около сотни мужчин разных возрастов: кто-то несет плакаты, кто-то снимает все действие на сотовый.

Некоторые напялили шлемы викингов и придерживают их руками от ветра. Есть и такие, что нарядились в шкуры животных и нанесли на лицо боевую раскраску, а кто-то оделся в камуфляжную форму, собравшись то ли на войну, то ли на охоту, а может, все вместе взятое. Мужчины что-то скандируют, но из-за лязга машины слов не разобрать.

В толпе Иезавель видит знакомое лицо. *Гребаный Найджел*. Он уже нашел свою одежду и решил поохотиться на ведьм.

Кран едет, люди идут, и тогда Квини выступает вперед, обходя Персефону. Остальные ведьмы тоже выходят на крыльцо, обступив Квини. Одна лишь Табита остается за порогом, потому что не может его пересечь.

– А что это они такие заведенные? – Квини оборачивается к Айви: – Ты уверена, что добавила в бутылки достаточно успокаивающего эликсира?

Айви презрительно фыркает, оскорбленная тем, что кто-то смеет подвергать сомнению качество и баланс ингредиентов ее продукции.

– У меня все как в аптеке. Содержание эликсира не поменялось ни в меньшую, ни в большую сторону.

– Может, это и плохо, – задумчиво произносит Иезавель. – Возможно, у них повысился порог восприимчивости.

Над головами женщин пролетает Виджет и опускается на парашют.

– Возможно, для того же самого эффекта требуется уже бóльшая доза эликсира, – гортанным голосом произносит она.

Кран тормозит, так как на его пути оказывается ангельский дуб. Глохнет мотор, и теперь сестры могут расслышать, что именно скандирует толпа:

«Заводи скорей мотор! Ведьм Муншайн – на костер! Заводи скорей мотор! Ведьм Муншайн – на костер!»

Сестры выпрямляют спины и издают недовольный вздох, смысл которого озвучивает Виджет: «Опять та же самая херня».

Суббота, 23 октября День

Мужчины периодически промачивают горло, отпивая что-то из незнакомых бутылок и жестяных банок. Судя по фиолетовому логотипу, эта выпивка точно не из винокурни Муншайн.

Айви удивлена, что в толпе есть женщины – а ведь некоторые из них бывали в поместье, приходили сюда под покровом ночи с просьбой о помощи. Одни страдали бесплодием, другим требовалось снадобье, чтобы муж не гулял или не бил их по пьяни. До конца жизни Айви не смирится с этим подлым предательством, когда женщины идут против женщин.

От злости у Квини дергается веко: ее бесит, что эти мужчины еще и рисуются перед ними. В толпе не видно ни мэра Уилла Стоутона, ни банковского управляющего Джона Хаторна. Значит, должен быть кто-то из членов городского совета, что уже само по себе интересно.

Квини оказывается права: через несколько минут от толпы отделяется преподобный мегацеркви ¹⁸ Кричли Хэкл Коттон Мазер. Ему за шестьдесят, голова его чисто выбрита, и он носит аккуратную козлиную бородку. Между бровей про-

¹⁸ Общепринятое в англоязычных странах обозначение протестантских церквей численностью более 2000 прихожан, собирающихся в одном здании.

легли две глубокие вертикальные борозды, похожие на восклицательные знаки – свидетельство того, что этот человек много хмурится.

Мазер далеко не дурак, если пришел не в костюме с галстуком, а в охотничьем камуфляже, правда, гораздо лучшего качества, чем у остальных. Этим он словно хочет сказать: *я один из вас, но на голову выше*. Довольно тонкое послание, которое не до всех доходит. Люди просто видят перед собой человека в камуфляже, но не понимают сути.

Мужчины скандируют все громче, и Квини говорит:

– Урсула...

– Я займусь этим.

Урсула кладет руку на плечо Персефоны, подталкивая ее к дверям, и теперь девочка скрыта за одеждами ведьм. Собака протискивается к своей хозяйке, а Виджет взлетает на стрелу крана, аккуратно сложив крылья.

– Хватит снимать, – командует преподобный, и мужчины послушно убирают телефоны. Убедившись, что его распоряжение выполнено, преподобный делает шаг вперед.

– Сибилла, – рычит Коттон, выставив вперед подбородок.

– Коттон, – отвечает она, уперев руки в боки.

– Обращайся ко мне *Преподобный Мазер*.

– А ты зови меня *Квини*, – парирует ведьма.

– Никакая ты не королева, – презрительно шипит он.

– А для меня никакой ты не преподобный, а просто Коттон. – Зря она так сказала, Квини знает это, но ей надоело

выбирать выражения при общении с внешним миром, надо-
ело смягчать их, убажывая эго таких, как Коттон Мазер и ему
подобных.

– И ты позволишь ей проявлять к себе такое неуважение,
Коттон? – выкрикивает кто-то из толпы, и другие голоса вто-
рят зачинщику, поддерживая его. – Так ты поставишь эту
стерву на место или нет?

Коттон ощетинивается.

– Видишь, что ты натворила? – говорит он Квини. – Ты
разозлила моих людей!

Квини так и подмывает слово в слово повторить граффи-
ти, которое она увидела на одной из городских стен: *Узри
мое поле шлюх. Взгляни на него, и ты увидишь, что оно бес-
плодно.* Еще пятьдесят лет назад все эти люди закидали бы
ее матерными словами, словно гранатами, но теперь они ру-
гаются исключительно про себя. Поэтому Квини просто по-
жимает плечами и говорит:

– Жаль, что твои люди такие обидчивые.

Из толпы в сторону ведьм летит бутылка и едва не по-
падает в непоколебимую Квини. Бутылка разбивается поза-
ди нее, толпа смеется и улюлюкает. Квини сжимает кулаки,
ноздри ее гневно раздуваются. Она уже готова сбежать по
ступенькам, чтобы накинуться на бросившего бутылку при-
дурка, но одновременно происходят две вещи.

Айви начинает бормотать заклинание, а Иезавель делает
шаг вперед и, подбоченившись, прислоняется к перилам, по-

кусывая нижнюю пухлую губу. А потом небо прорезает молния, и вслед ей слышатся раскаты грома.

Вспышка молнии, подобно небесной лампочке, освещает Иезавель: в бешеном кружении вокруг нее пляшут сонмы листьев. Мужчины отрывают бутылки ото рта и разжимают кулаки – с отвислыми челюстями все смотрят на Иезавель. И неважно, что ей под восемьдесят и ее колдовская сила с годами ослабла. Иезавель все еще в состоянии насыпать мощные проклятия. Даже преподобный ощутил это, хоть и приходит в себя быстрее остальных.

– Доброго вам дня, преподобный Мазер, – произносит Иезавель завораживающим, тягучим голосом, по силе своей перекрывающим натиск надвигающейся бури. – Чем обязаны такой чести? Желаете продегустировать ограниченную партию лавандового джина, который мы готовим к запуску в следующем месяце? Если так, то мы приглашаем вас и ваших друзей в зал нашей винокурни.

При этих словах ряды горожан дрогнули: они слушают, словно заколдованные, забыв, зачем пришли сюда. Им так хочется испробовать джин кустарного производства из рук этой грозной Иезавель Джонс.

– Вернитесь в строй, – с упреком произносит преподобный, и ошеломленные мужчины подчиняются. Пришедшие с ними женщины бросают на них испепеляющие взгляды. – Мы не за джином сюда пришли. – Преподобный оскаливается в едкой ухмылке.

– Но тогда зачем вы здесь? – интересуется Иезавель, склонив голову набок.

– Чтобы разрушить это логово беззакония.

– И по чьему же распоряжению? – подает голос Квини.

– По распоряжению городских властей. У вас огромная задолженность по залогам и налогам на недвижимость. И мы здесь затем, чтобы обратиться за взысканием и возместить расходы.

– Но срок еще не истек, у нас есть полторы недели, чтобы заплатить.

Преподобный смеется:

– Мы оба прекрасно знаем, что вы не сможете заплатить.

Никто вам не даст новый кредит.

Квини оглядывается на Табиту, замершую за порогом. Табита понимающе кивает и устремляет взгляд на Виджет, которая все еще сидит на стреле. С громким карканьем старая ворона взлетает и устремляется в сторону города, крылья ее рассекают воздух, борясь с натиском ветра.

– Коттон, вы не имеете права сносить наш дом. По закону мы можем тут оставаться еще девять дней, – заявляет Квини. – Нам придется натравить на тебя полицию.

– В добрый час, – отвечает Коттон с улыбкой. – Попробуйте найти адвоката, который бы захотел представлять ваши интересы, или судью, который согласится вас выслушать.

В задних рядах Квини обнаруживает двух местных адвокатов Рэнди и Клайда, а также единственного в городе судью

Элмера. Все трое стараются держаться вместе и бросают на Квини сочувственные взгляды: они в долгу перед ведьмами, которые так или иначе помогали их женам и детям. Эти трое – по сути, неплохие люди, просто сейчас их руки связаны. Квини переводит взгляд на трех олухов в шлемах викингов – это местные полицейские. Один из них приветственно салютует Квини, поднеся руку к рогам, тогда как другой тянется к пистолету.

– Такие, как вы, лишь тормозят развитие Кричли Хэкл, – продолжает проповедовать Коттон, и народ, ибо он и есть стадо овец, хором отвечает *Аминь*. – Мы стремимся подарить нашему городу будущее, основанное на страхе божьем. – Снова звучит *Аминь*.

– По-твоему, Богу нужно больше «Волмартов» и забега-ловок быстрого питания? – презрительно говорит Квини.

– Богу нужно покончить с такой мерзостью, как вы, – отвечает Коттон, и толпа одобрительно гудит. – Богу угодно, чтобы городом управляли мужчины, готовые бороться со злом.

– А я-то думала, что землю наследуют кроткие. Разве не так учил Господь?

Глаза преподобного вспыхивают недобрим фиолетовым светом.

Айви, стоящая позади Квини, продолжает читать заклинание, и небо озаряется новой вспышкой молнии, после чего следует столь оглушительный раскат грома, что у Квини начинают стучать зубы. С неба, словно маленькие десантники,

летят первые капли дождя, а затем на землю обрушивается ливень. Люди морщатся, оглядываясь в поисках укрытия.

– Держать строй! – приказывает Коттон, словно перед боем. – Это всего лишь дождь, от воды еще никто не умирал.

А вот и нет, – думает Квини. – *Миллионы людей погибли от Всемирного потопа, и про это написано в Ветхом Завете.* Не говоря уж о тысячах ведьм, которых на протяжении многих веков подвергали испытанию водой. Их раздевали донага, связывали по рукам и ногам и тащили к ближайшему озеру или реке, куда и сбрасывали. Дикость этого испытания состояла в том, что «невиновные» должны были пойти ко дну, а «виновные» оставались на плаву, после чего их сжигали на костре.

Квини глядит на Коттона Мазера, недоумевая: почему люди боялись ведьм, а не тех, кто сжигал их заживо?

Рядом в землю ударяет молния, и Квини думает, что смесь воды с электричеством – гарантированный рецепт смерти. Но она не собирается напоминать об этом всем мерзавцам, ворвавшимся на их землю, и особенно водителю крана, который сейчас представляет идеальный проводник электричества, ударь в кран молния.

– Советую вам уйти с крыльца, если не хотите погибнуть под обломками, – говорит преподобный ведьмам, но ветер относит в сторону его голос.

Кран приходит в движение.

– Айви, – взмаливается Квини. На ветру ее волосы хлещут

по лицу. – Сейчас самый подходящий момент, чтобы *зажарить* кран.

Айви продолжает бормотать заклинание: глаза закрыты, пальцы прижаты к вискам, на лбу выступает пот. Она буквально звенит от напряжения, камелии в ее волосах клонятся вниз, увядая. Квини мельком смотрит на небо, а потом снова переводит взгляд на Айви. Но как ни старается Айви, она больше не способна извлечь молнию.

Кран дергается вперед, и стрела начинает понемногу раскачиваться, а с ней и ядро, набирая амплитуду. Толпа отодвигается в сторону, спрятавшись под ангельским дубом. Квини прекрасно понимает, что только там они могут укрыться от потопа.

– Вот поганцы, – сурово бормочет она, начиная узнавать некоторых горожан, по мере того как дождь смывает с их лиц боевую раскраску, стекающую с их бород цветной водичкой. Обернувшись к сестрам, Квини говорит: – Скорее, встанем в круг. – Ведьмы приходят в движение. – Айви, – снова умоляет Квини, чувствуя нарастающую панику, потому что за ее спиной ядро раскачивается все сильнее и сильнее. – Нам срочно нужна молния. Прямо сейчас или никогда.

Сестры, все, кроме Табиты, которая не смеет выйти за порог дома, встают в круг, взявшись за руки, Айви же остается посередине. Все закрывают глаза, словно обращаясь внутрь себя, но на самом деле сейчас они связаны друг с другом как никогда, и внутренняя энергия каждой подключается к

общей на пределе возможностей. Ток любви, проходящий сквозь них, столь силен, что у женщин покалывает руки.

Сестры концентрируются на Айви, вливая в нее всю свою коллективную силу. Айви в свою очередь пересылает энергетический поток небесам, которые, становясь все темнее, вспыхивают и искрятся, образуя вихревые потоки. Тем не менее по какой-то необъяснимой причине небеса отказываются вмешиваться в происходящие события. А потом словно из ниоткуда раздается собачий лай.

Ведьмы сразу вспоминают про Персефону, размыкают руки и оборачиваются к ней. В некотором замешательстве они видят, что эта белокурая девочка приковала себя наручниками к массивным ручкам входных дверей, а под мышкой у нее твякает Рут Бейдер Гинзбург.

– Какого черта...

Но ее слова заглушает крик преподобного:

– Остановитесь! Не раскачивайте ядро! Там дочка мэра!

Квини издает тихий стон. *Теперь мы точно в полной жопе.*

– Долой патриархат! – кричит Персефона, и щеки ее задорно пылают.

Суббота, 23 октября День

Коттон Мазер бежит к крыльцу, где собрались ведьмы. Теперь не одна лишь Квини нервно поглядывает на мэрскую дочку, своим присутствием здорово осложняющую ситуацию. Все прекрасно представляют, сколько проблем обрушится на их головы из-за этой девчонки.

Преподобный пытается подойти к Квини, но сестры окружают ее плотной стеной. Может, они и злы на нее, но не позволят, чтобы с ней что-то случилось.

– Вы взяли в заложники невинное дитя! – шипит Коттон.

Квини хочет сказать, что они представления не имеют, кто эта девочка, и тут Персефона кричит, перебивая Коттона:

– Меня никто не брал в заложники!

Лицо преподобного приобретает синюшный оттенок, словно ему пару раз вмазали.

– Ты и сама не понимаешь, что говоришь. Эти ведьмы тебя заколдовали.

– Никто меня не заколдовывал. – Персефона упрямо вздергивает подбородок. – Я пришла сюда по доброй воле, чтобы предотвратить беззаконие.

Коттон Мазер тарашится на нее, изумленный, что какая-то малявка имеет наглость высказывать тут свое мнение. Поэтому он просто игнорирует Персефону и зло тычет Кви-

ни в грудь:

– Ну погоди у меня! Сейчас сюда приедет сам мэр и мигом упечет вас всех в тюрьму.

Персефона отворачивает от него лицо и сердито говорит:

– Вы можете не орать?

– А в чем дело? Я тебя что, трогаю?

– Нет, но вы все лицо мне оплевали, прямо биологическая атака какая-то.

На секунду Коттон теряет дар речи, а потом оборачивается и кричит, чтобы кто-нибудь помог ему отстегнуть девочку.

Трое полицейских с радостью спешат покинуть укрытие под ангельским дубом, который только что устроил им, это в октябре-то, сильный желудепад. Желуди оказались огромного размера, да еще и прилетели невесь откуда.

– Где ключи от наручников? – спрашивает один из полицейских Персефону.

– У меня в кармане.

Полицейский засовывает руку девочке в карман и начинает вытаскивать оттуда... длиннющую гирлянду из шелковых платков.

– Какого...

Квини с трудом подавляет смех.

– Да не в этом кармане, а в другом, – невозмутимо говорит Персефона.

Полицейский лезет в другой карман, но извлекает на свет

лишь огромный букет искусственных цветов.

– Попробую своим ключом, – бормочет полицейский.

Несмотря на то что ключ у него универсальный, наручники не расщелкиваются. Ему пытается помочь второй полицейский: он отодвигает локтем собаку, чтобы не мешала, и ухмылка слетает с лица Персефоны.

– Вы ударили мою собаку! Я буду жаловаться в общество защиты животных! Вы что, не видите, что она старенькая?

Может, Рут Бейдер Гинзбург и старенькая, но собачиться не разучилась. Она бешено вращает глазами и рычит, не позволяя приблизиться к девочке.

Наконец, мужчины сдаются. Склонив голову набок, Персефона шепчет Квини:

– Это наручники с максимальной защитой. Еле достала, и ведь пригодились же.

– Не слишком ли ты рискуешь? – говорит Квини, втайне восхищаясь смелостью малышки. – Это ж сопротивление полиции, может плохо закончиться.

– Ничего, я же белая, меня не тронут, – говорит Персефона, пожимая плечами.

Понимающе хмыкнув, Квини качает головой:

– Эх, устами бы младенцев...

Персефона доставила ведьмам много хлопот, но она все равно нравится Квини. Когда-то и они были такими же горячими юными максималистками, да время остудило их пыл. На протяжении многих десятилетий ведьмы сталкивались с

одной и той же фигней, и ничего не менялось.

Посоветовавшись, мужчины решают послать человека в хозяйственный магазин за керамической пилкой, усиленной карбидом вольфрама. Слыша это, Персефона веселится पुष्че прежнего.

– Это сработает только на стандартных наручниках, но не на моих, – цедит она сквозь зубы.

И вот вокруг Персефоны суетятся большие дяди, а она лишь посмеивается. Глаза блестят, как сокровища сороки, щеки покраснелись. Что ж, переполох пошел девочке на пользу, и от ее анемичной бледности не осталось и следа.

Преподобный уже послал за отцом Персефоны, а между тем буря не утихает. Впрочем, она получилась как по Фолкнеру – много «шума и ярости»¹⁹, но без молний, с которыми у Айви случился промах. Поняв, что с дочкой мэра не справиться, оператор крана ссылается на заказ в соседнем городке. По выходным он работает за двойную ставку, а здешнее мероприятие – всего лишь общественная нагрузка.

– Скатертью дорога, – говорит Квини и делает ему ручкой. Через минуту к дому подъезжает машина с репортером.

Знаете, что происходит, когда переворачиваешь в лесу гнилое дерево? Из-под него сразу же разбегаются во все стороны насекомые, которые солнцу предпочитают темноту и сырость. То же самое произошло и с горожанами. Все уносятся вприпрыжку, в том числе и судья с адвокатами – ни-

¹⁹ «Шум и ярость» – роман Уильяма Фолкнера.

кому не хочется быть замазанным в таком грязном деле, как охота на ведьм.

Журналист промок до нитки, пока добежал до крыльца. Обойдя Квини, он обращается к Персефоне:

– Привет, юная леди. Не расскажешь, для чего ты устроила этот протест?

Персефона молча передает ему Рут Бейдер Гинзбург.

– Не подержите минутку, а то у меня рука затекла. Если вы понравитесь моей собачке, то получите интервью.

Квини хмыкает, глядя, как журналист неловко берет РБГ, с улыбкой поправляет ее вязаный ошейник и гладит по голове, что производит на животное усыпляющий эффект. Оно и понятно: денек выдался бурный и собака устала.

Снова хлопает дверца машины, и Квини оборачивается: оказывается, к месту происшествия приехал и отец Персефоны, мэр города Уилл Стоутон. Стоутон – крупная фигура как по должности, так и по обхвату. Ему где-то за пятьдесят, он лохмат и неухожен, как запущенный газон, а из-под добротного пиджака выглядывает мятая рубашка.

Под глазами у мэра мешки, на щеках играет нездоровый румянец, а подбородок, несмотря на столько ранний час, покрыт щетиной. Стоутон топает по ступенькам – он уже насквозь промок, в мокасынах хлопает вода.

Квини поворачивается к сестрам: они окружили Персефону, стараясь оградить девочку от рассерженного отца.

Несмотря на усталость, Айви грозно выпрямилась во весь

рост. Урсула глубоко втягивает воздух носом, боевито выпятив свою пышную грудь. Она берет за руку Иезавель, которая уже отбросила привычное кокетство: внутри нее клокочет ярость, грозя извержением в случае малейшей провокации. За порогом сверкает глазами Тэбби.

Игнорируя ведьм, Стоутон обращается прямо к дочери:

– Фони, какого черта? Что тут происходит?

– Я же просила не называть меня так, – сердится Персефона.

Ее отец грустно вздыхает и говорит:

– Это всего лишь ласковое прозвище, тыковка.

– Ага, Пухлячок тоже, но тебе же не нравится, когда тебя так обзывают.

Квини хрипло смеется, заставив Вильяма Стоутона покраснеть. Сделав глубокий вдох, он втягивает живот и пытается застегнуть пуговицы на пиджаке. Сокрушенно покачав головой, он подзывает к себе дочь:

– Ну все, пойдем домой. Тебе здесь не место.

– Женщины должны быть везде, где принимаются неправомерные решения, – парирует Персефона, и Квини испытывает гордость за эту девочку.

Мэр озабоченно пыхтит, возводя очи к небесам. Сейчас он думает о том же, о чем думает любой отец девочки-подростка: что же случилось с его покладистой малышкой? Еще недавно она была такой лапочкой, ангелочком, лучшей из дочек, и вдруг – ежик колючий, чертик летучий.

– Зачем вообще ты приковала себя к дверям этого ведьминского...

И тут в разговор вмешивается Квини:

– А вот интересно, господин мэ́р, откуда вашей дочери стало известно, что наш дом собираются снести? – Журналист делает шаг вперед, желая что-то сказать, но Квини останавливает его. – Сдается мне, один маленький кувшин имеет уши с аршин. И если Персефона подслушала какой-то ваш разговор, значит, имеет место сговор. И приказ отдали вы. Уверена, что мистер... эээ... – Квини кивает в сторону журналиста.

Тот вздрагивает и поправляет спящую у него на руках Рут Бейдер Гинзбург.

– Регги Коллинз, мэ́м.

Поблагодарив, Квини снова поворачивается к Стоутону:

– Уверена, что мистери́ Коллинзу будет интересно провести журналистское расследование.

– Да-да, разумеется, – с пылом восклицает Коллинз, переходя на шепот, потому что Рут Бейдер Гинзбург открывает один глаз-бусинку и начинает рычать.

– И я готова все вам выложить, – говорит Персефона журналисту-очкарику, а затем прибавляет, повернувшись к отцу: – Только если ты, папочка, не пообещаешь мне дожидаться законных сроков по сносу дома. Иначе нечестно получается.

Господин мэ́р озабоченно проводит ладонью по своей взлохмаченной голове, представляя весь возможный урон

для своей репутации. Квини придвигается к нему и тихо говорит:

– Не волнуйтесь, можно сделать так, чтобы мистер Коллинз забыл о сегодняшнем эпизоде.

Видно, как Стоутон корежит от этого предложения – хотел бы он знать, к каким методам прибегнут ведьмы, заставив кое-кого забыть кое о чем.

Персефона вытаскивает из кармана сотовый и говорит:

– Могу завирусить в ТикТоке пару роликов о том, как ты довел меня до слез и как ты издеваешься над бедными старушками.

Квини понятия не имеет, что такое ТикТок. Наверное, какое-то мощное оружие. Так что она «за».

Стоутон понимает, что его взяли за жабры, и даже не пытается оправдываться или блефовать. Нервно расправив широкие плечи, он горько вздыхает.

– У вас есть девять дней. До конца рабочего дня, – хмуро говорит он Квини.

– Вообще-то – до полуночи, – поправляет его Квини, ибо все контракты с ведьмами включают этот пункт.

– Хорошо.

Неподалеку что-то тикает. До Квини не сразу доходит, что это жук-древоточец начал отсчет времени. Нельзя терять ни минуты.

Суббота, 23 октября День

Итак, Квини идет в лабораторию Айви, расположенную на втором этаже. Она ни за что не выкажет своего волнения, признав таким образом, что не со всем способна справиться, потому что она, конечно же, справится. Просто нужно подергать кое за какие ниточки.

У Квини имеются некоторые подозрения насчет происходящего с мужчинами из Кричли Хэкл. Только рассеяв их, Квини сможет разработать план действий. Через два дня возвращается Руби, и нужно подготовить дом к ее приезду, после чего останется еще два дня на то, чтобы раздобыть сокровище. Сокровище она передаст паромщику Харону, и это, как надеется Квини, станет идеальной сделкой.

За оставшиеся пять дней нужно будет расплатиться с банком, свести дебет с кредитом, к тому же Квини не настолько глупа, чтобы поверить, будто городской совет не станет вставлять ей палки в колеса. Наверняка у этих господ есть в рукаве парочка-другая грязных козырей. Богиня тому свидетель – мужчины получают огромное удовольствие, мучая их сестринское сообщество.

И, только справившись с насущными проблемами, ведьмы возьмутся за основную работу. Благодаря Руби они не останутся без крыши над головой, но ведь это еще не все. Кви-

ни придется сделать их бизнес более прибыльным, иначе через пару лет они снова окажутся у разбитого корыта. Нужно разобраться в причине постоянных поломок на винокурне. И необходимо увеличить продажи.

Квини стучится в дверь лаборатории, но никто не откликается. Может, Айви в оранжерее? Квини хочет спуститься и проверить, но тут появляется Айви – ее балахон промок до нитки, волосы налипли на лицо.

– Прости, что немного задержалась. – Айви смахивает грязь со лба. – Я выравнивала газон – этот чертов кран все там раскурочил. И еще мне нужно было помочь ангельскому дубу – после стрельбы желудями он совсем истощился.

Квини кивает, заинтригованная этой историей. Большинству людей интересны лишь чудесные последствия магии, но Квини завораживает научная сторона дела. Ведь что такое магия? Умение преломлять законы природы средствами, недоступными для обычных людей.

– И каким же образом ты его укрепила?

Айви достает из кармана ключ и открывает дверь лаборатории. Прежде она никогда ее не запирала, но после вторжения неизвестных Квини ввела и эту меру предосторожности.

– Любое дерево нуждается в сахарах, которые вырабатывают листья в процессе фотосинтеза, – рассказывает Айви и взмахивает палочкой, отчего все настенные факелы послушно загораются. – Пока не начинается листопад, дерево продолжает усиленно вырабатывать сахара, подкармливая ими

ветки, ствол и корни.

– Закон Пресслера, – кивает Квини.

Айви уважительно склоняет голову.

– Именно. Мне пришлось выжимать из дуба последние соки, чтобы на ветках появились новые листья.

– А листья ему нужны для фотосинтеза, чтобы восстановиться после экстренного выращивания желудей, – догадывается Квини. – Гениально! – Просто удивительно, что у Айви остались силы на столь ювелирную магию. Ведь сегодня она вызывала бурю и сама здорово истощилась. Квини достает волшебную палочку и направляет ее на Айви со словами: «Сикка»²⁰.

Айви сразу же окутывает облачко пара.

– Спасибо. – Айви отряхивает руки от засохшей грязи, губы ее дрожат. – Но что, если все это зря? Что, если кран приедет снова, и не один, а с бульдозерами, чтобы сровнять нас с землей?

– Я не допущу такого. – Квини возвращает волшебную палочку в карман, продолжая смотреть на Айви. – Доверься мне, я все успею уладить, договорились?

Айви кивает и грубовато интересуется:

– Ты же не для того меня позвала, чтобы выслушать лекцию по древесной магии?

– Нет. – Квини протягивает ей батончик «Сникерс». – Я принесла тебе поесть, потому что никто из нас не завтракал.

²⁰ Sicca – сохни (лат.).

Айви с сомнением смотрит на батончик:

– Это вряд ли можно назвать едой.

– А на другое у нас и не было времени, – пожимает плечами Квини и говорит, подмигивая: – Там же орехи, а орехи – это овощи, да?

Айви смеется, благодарит сестру и вонзает зубы в батончик.

Когда Айви расправляется со «Сникерсом», Квини ставит на стол пакет, в котором звякают несколько жестяных банок и бутылок, оставленных толпой. Пивные банки – ярко-фиолетовые, а на прозрачных бутылках из-под текилы – фиолетовые наклейки. И там, и там – логотип из букв КСВ, охваченных пламенем.

– Мне надо, чтобы ты сделала кое-какие анализы, – говорит Квини.

– И что мы ищем? – спрашивает Айви, удивленно приподнимая брови.

Квини объясняет, что именно, и брови Айви вздергиваются еще выше.

– Тебе не показалось, что глаза Коттона как-то странно блестели? – спрашивает она.

Айви вздыхает:

– Квини, у него всегда такие глаза, потому что он фанатик.

– Нет, дело не только в этом. Они сверкали каким-то потусторонним фиолетовым светом. Дело здесь не просто в обычном женоненавистничестве.

Айви снова вздыхает:

– Такое трудно проверить. У тебя есть образцы крови хоть кого-то из мужчин?

– Нет, но могу организовать. – Квини кидает на нее быстрый взгляд. – Ладно, забудь про образцы.

Айви в который раз вздыхает и поправляет очки на носу.

– Без анализов крови придется трудновато, – задумчиво говорит она.

– Но все равно попробуй – может, что-нибудь получится.

Квини разворачивается, чтобы уйти, потому что у нее еще полно других дел.

– Ты куда? – сердито спрашивает Айви. – Я думала, ты останешься помочь.

– Я жду возвращения Виджет, мне надо с ней поговорить и отправить ее еще кое-куда. Соберемся позже. – Квини идет к дверям, но останавливается, желая снять груз с души. – Мне... Мне очень жаль, что все так вышло. – Слова даются с трудом, как будто она катит камень в гору. – Это все из-за меня.

– В каком смысле? – спрашивает Айви, склонив голову набок. – Нет, я, конечно, понимаю, что ты сразу должна была сказать мне про наши финансовые проблемы. Из-за этого я очень зла на тебя. Но при чем тут толпа?

Квини неопределенно пожимает плечами. На нее возложена обязанность защищать сестер. Она обещала это Мирабель на ее смертном одре. А теперь подвела ее, отчего в ду-

ше кипит стыд.

Словно прочитав ее мысли, Айви говорит:

– Тут и я бессильна, и ты тоже, Квини. Никто от тебя и не требовал сверх возможного. Мы все старались как могли.

Квини благодарно кивает. Ведь Айви могла бы и попрекнуть ее, но не стала. Квини отправляется в библиотеку, размышляя о том, что если ее опасения подтвердятся, придется решать вопрос с мужчинами. Только прежде надо понять, кто стоит за всем этим, кто их подстегивает.

Тяжело находиться под постоянными атаками, когда тебе угрожают со всех сторон... Квини тяжело вздыхает: пора, пора собраться с силами перед грядущими событиями.

Гримуар поместья Муншайн

Растительная магия Айви Растительный тоник

Ингредиенты:

$\frac{1}{4}$ чашки с солью Эпсома ²¹

2 чашки мочи (лучше всего подходит ведьмина моча, но моча обычных людей тоже сгодится)

2 чашки древесной золы (никакого древесного угля или горючей жидкости)

+/-20 фунтов скошенной травы/зеленых сорняков/обрезанных зеленых листьев

3 галлона воды ²²

1 одуванчик

Утварь:

Ведро на 5 галлонов

Пустые молочные кувшины

Способ приготовления:

В пятигаллоновом ведре смешайте соль Эпсома, мочу и древесную золу. Далее до половины наполните ведро только что обрезанными листьями или сорняками, вырванными прямо из земли. Поблагодарите деревья, с которых вы обрезали листья.

До верха наполните ведро водой и опустите туда одуванчик, одновременно вознося благодарность Богине. Направьте волшебную палочку на смесь и скажите «Конвените» ²³.

²¹ Магниевая соль.

²² 1 галлон равен от 3,79 до 4,5 литра.

²³ Convenite – перемешайся (*лат.*).

Пусть смесь настаивается три дня. После этого процедите полученный настой, разлив его по молочным кувшинам. Перед использованием налейте в лейку и разбавьте наполовину водой. Поливайте этим настоем землю вокруг растений.

Примечание:

Настаивайте не дольше трех дней, чтобы избежать брожения. Концентрат нужно использовать в течение одного-двух дней.

Суббота, 23 октября Вечер

Айви указывает дрожащей рукой на камин в гостиной и бормочет: «*Инценде*»²⁴. Когда огонь разгорается, Айви радуется, что ей удалось сделать хоть такую малость, до того она устала.

Старый дом скрипит и вздыхает, радуясь, что пережил бурю. Внутри стен что-то мерно постукивает, словно сердце. Перешептываются за окном деревья, в камине потрескивает огонь, начиная мелодично гудеть.

Где-то в лесу жалобно воет зверь, словно оплакивая безответную любовь, и по рукам Айви бегут мурашки. Наступил вечер, ведьминское время, но не для таких пожилых ведьм, как они. Это в годы молодости сестры не ложились спать раньше трех ночи.

Несмотря на усталость, Айви даже не пыталась прикорнуть. Да и как можно, когда нужно переделать столько дел – стереть, например, воспоминания у журналиста, сделать тесты для Квини и проверить, как чувствует себя трупный цветок – ведь из-за объявленной тревоги она не довела надрез до конца.

Айви так ухаживала за цветком, а он, неблагодарный, взял

²⁴ Incende – загорись (*лат.*).

и распустился без нее, лишив ее удовольствия созерцать это прекрасное зрелище. Цветение закончится к утру, и обертка уже отмерла. В другое время Айви сокрушалась бы, что все пропустила, но сейчас они могут потерять дом, и у нее просто нет сил расстраиваться из-за цветка, тем более что уже через девять дней и сама оранжерея может быть разрушена. При мысли об этом в ней закипает гнев, и она не знает, куда его перенаправить.

Вспомнив о порезанном пальце, Айви обнаруживает, что он воспалился. Со вздохом она достает из кармана баночку мази, думая о том, что неплохо бы окунуться с головой в целительную ванну, настолько разбитой она себя чувствует. В желудке урчит от голода – на одном шоколадном батончике далеко не уедешь.

Когда тепло оказывает свое живительное действие на отекавшие суставы Айви, она оглядывает комнату с высоким кессонным потолком, с резными колоннами и веерообразными деревянными арками, напоминающими позолоченное павлинье оперенье.

Над камином выложен из известняка герб Дюбуа, инкрустированный лазуритом. По всей гостиной расставлены резные кушетки, обитые потертым от времени узорным бархатом мятно-зеленого и бордового цветов с золотистой тесьмой. Тяжелые парчовые шторы, поддерживаемые подхватками с золотыми кистями, создают в комнате благородный сумрак.

Но кругом видны следы обветшания, поэтому Айви щелкает пальцами и закрывает глаза. Когда она открывает их, то видит совсем другую комнату. Теперь все стены покрыты непальским плющом – темно-зеленый с отливом цвет его мясистых листьев красиво контрастирует с желтоватыми прожилками.

Ковер тоже исчез, и теперь пол устлан шелковистым вильчатым мхом. Айви скидывает обувь, стягивает носки и расчесывает пальцами босых ног упругие травинки, растягивая наслаждение.

Айви интересовалась у сестер, играет ли дом и с ними в какие-нибудь игры. Но никто вообще не понял, о чем идет речь, из чего Айви сделала вывод, что дом «хамелеонит» только для нее, таким образом ей подчиняясь. Должно быть, именно в таких же отношениях он состоял и с ее двоюродной бабушкой Мирабель, а после ее смерти присягнул на верность Айви.

Айви снова щелкает пальцами, и старая гостиная принимает прежний вид. И на все это взирает с портрета маслом написанная в полный рост бабушка Мирабель Дюбуа. Волосы ее уложены в волнистый пучок, закрепленный заколкой из павлиньего пера. Тут она еще молодая, где-то под тридцать, но одежда ее лишена признаков моды того времени – никакого корсета или турнюров ²⁵.

²⁵ Подушечки под платьем ниже талии, подкладываемые для придания фигуре пышности.

Вместо платья Мирабель одета в мужской костюм, подогнанный под ее округлые формы. В одной руке она держит нефритовый мундштук с дымящейся сигаретой. В ее зеленых глазах есть что-то плутовское, озорное – да, художник прекрасно передал характер этой женщины.

Разумеется, Айви не знала бабушку в таком возрасте. Они встретились, когда ей было примерно столько же лет, сколько сейчас Айви. Тогда она казалась древней старухой – изборожденное морщинами лицо, напудренные щеки, ярко-красная помада, собравшаяся в трещинках губ, вокруг глаз – паутина мелких морщин.

Да и как можно сравнивать себя с этой пожилой женщиной, которая воспитывала шестерых девочек, давала им образование, да еще управляла помещьем, заранее строя планы о передаче его Айви. И как же поступила Айви с наследством Мирабель? Дом приходит в упадок, и городской совет может его снести, если только на помощь не придет Руби, которая не жила тут долгие десятилетия.

При мысли о всех этих трудностях Айви, обычно человек уравновешенный, впадает в ярость. Чтобы привести себя в порядок, она делает несколько глубоких вдохов и старается просто думать про Мирабель, про ее портрет и эту гостиную, где всегда проводились важные встречи.

Именно здесь однажды вечером произошло ее знакомство с Мирабель и с самим домом. Господи, уже восемьдесят лет прошло. Айви осиротела в семь лет, когда ее родители умер-

ли один за другим: сначала отец – от туберкулеза, а потом и мать Мезула – от отравления.

Мезула была фармацевтом, и ходили разговоры, будто то ли настойки испортились, то ли она неправильно смешала опасные ингредиенты. Но двоюродная бабушка Мирабель только посмеялась над подобными домыслами, утверждая, что Мезула была слишком опытна, чтобы допустить подобное.

«Она умерла по собственной воле, потому что сердце ее оказалось разбито, – сказала она тогда Айви. – Твоя мать не смогла спасти собственного мужа и не захотела жить после этого». Помнится, она взяла Айви за подбородок, наклонилась к ней поближе и изрекла такую мудрость: «Запомни, девочка моя. Как бы ни были велики наши силы, смерть все равно сильнее. И по своей мощи с ней сравнима разве что любовь».

Айви тогда подумала: что это за штука такая – любовь, которая заставляет людей поступать столь импульсивно? Зачем было оставлять сиротой свою дочь, которая так нуждалась в матери? Зачем, не в силах жить без любви, бросаться в объятия смерти? И если это романтическое чувство именно таково, то уж лучше Айви обойдется без него. Отказ от любви Айви считает мудрым решением, особенно после того, что приключилось с Руби, Магнусом и Урсулой.

Айви хорошо помнит первый год проживания со своей эксцентричной двоюродной бабушкой в этом огромном до-

ме, который изо всех сил старался отвлечь ее от мрачных мыслей. Помнит, как принимали ее в свои объятия альковы и как смешно прыгала с места на место мебель, играя с ней в прятки. И как ночами приходили женщины, чьи лица были скрыты капюшонами, и под утро исчезали в лесу. Однажды, когда бабушка поправляла ей перед сном одеялко, Айви спросила про этих женщин, а Мирабель объяснила, что все они – члены их сестринства.

«Запомни, девочка моя, – сказала тогда Мирабель, – самые крепкие узы у тебя будут именно с женщинами, которых ты выберешь в качестве своей семьи».

«Но ведь семью не выбирают, – сказала озадаченная Айви. – Где ты родился, там и семья».

«У человека – две семьи, – пояснила Мирабель, заправляя за ухо непослушный локон Айви. – Первая семья – это кровные узы, но вторая основана на более сильном родстве. Выбор, дорогая Айви, обладает могущественной силой. Поэтому, когда придет время, будь мудрой при выборе сестер».

Но Айви, в отличие от Мирабель, не пришлось выбирать для себя сестер. За нее все сделал дом: используя силу собственного притяжения, одну за одной он приводил их к Айви.

Прошел год, и Айви заскучала. И вот однажды рано утром она проснулась от шума приближающейся к дому двуколки с лошадьми. Откинув одеяла, Айви побежала по длинному коридору и залезла на подоконник, откуда было видно подь-

ездную дорожку. Прижавшись носом и ладошками к зазеленелому стеклу, она увидела Анастасию, одну из таинственных ночных гостей Мирабель.

А с нею была светловолосая девочка, на пару лет младше Айви. Девочка смотрела на дом, словно бы узнавая его. Подслушав пару разговоров, Айви поняла, что девочку зовут Урсула, ей шесть лет, и ее мать убил во сне неизвестный грабитель. Девочка эта родилась в сорочке и определенно обладала вторым зрением, так как смогла описать внешность нападавшего, даже не видя его.

В последующие недели Айви удалось подслушать и другие разговоры, пострашнее предыдущих. На основе описания внешности убийцы сестры Мирабель определили его личность и выследили. Как-то безлунной ночью они собрались все вместе и, разбившись на группы, улетели на восток. Они вернулись до рассвета уставшие, но с чувством исполненного долга. Насколько помнит Айви, никто больше не вспоминал об этой истории.

Урсула стала первым подарком, который преподнес дом для Айви – так кот бросает мышку к ногам хозяина. Прошел всего один день, и в поместье прибыла шестилетняя Руби. Это рыжее дитя с глазами цвета фиалки подбросили на ступеньки приюта, приколов к ее пижаме записку: *«Заберите это. С ним что-то не так»*. Скоро работники приюта согласились с автором записки и «сплавили» девочку еще кому-то. И вот так ее перекидывали из рук в руки, пока она не

оказалась в поместье Муншайн.

Айви помнит, как в то утро Урсула вышла к Руби на крыльцо и как девочки бросились друг к другу в объятия, словно каждая из них нашла у другой ключик от собственного сердца.

Казалось, этот странный подарок скорее предназначался Урсуле, а не Айви. А все потому, что дом понимал, насколько трудно Айви, несмотря на собственное одиночество, сходилась с людьми. Ей было проще возиться со своими растениями, чем общаться с девочками, чьи раненные души искали защиты. Поэтому дом поступил мудро: он послал Айви двух сестер, не столь в ней нуждавшихся, пока они были друг у друга.

Через четыре месяца Урсула вдруг вскинула голову и прошептала: «Еще одна едет». Глаза при этом у нее широко распахнулись, и она смотрела куда-то вдаль, словно видя то, чего не видят Айви с Руби.

И действительно: через час девочки наблюдали через окно в коридоре, как в дом вводят шестилетнюю Квини, всю покрытую ожогами, в измазанном копотью платье. Эта девочка стала сиротой после того, как ее родители-изобретатели погибли от взрыва в лаборатории. Через месяц пребывания в приюте Квини перенаправили к Мирабель. Оказывается, девочка устроила собственный эксперимент и едва не спалила приютскую кухню.

Квини стала для Айви лучшим подарком от дома, ее са-

мой близкой душой.

Через два года Урсула снова озвучила предсказание, что вот-вот – привезут кого-то еще. Девочки уже знали, что процедура знакомства с Мирабель проходит в гостиной, и побежали туда, спрятавшись за пыльными гардинами. И оттуда они увидели огромного как скала человека, что баюкал на волосатых руках спящую Иезавель, чьи волосы были черны как вороново крыло. Мужчину звали Марвин, он был водителем грузовика. Оказалось, он едва не сбил малышку, которая шагала себе по встречной полосе и сосала палец.

Этим подарком занялись Урсула с Руби, в то время как Айви с Квини уже всю колдовали над своими изобретениями.

Прошло полтора года. Айви гуляла в саду, как вдруг к ним из леса вышла восьмилетняя Табита. В одной руке у нее был чемодан, а в другой – странное яйцо. Первые два года пребывания в доме она молчала как рыба, и никто не знал, кто она такая и где ее родители.

Сей последний подарок будет преподнесен домом дважды, только Айви поймет это не сразу.

Айви баловало подарками не одно лишь поместье. Например, прощальный был сделан Мирабель: она долго болела и успела переоформить на Айви всю свою собственность без вмешательства других родственников. Нет, конечно, кое-кто пытался оспорить ее прижизненную волю – например, премьерзейший Бартоломью Гедни.

И вот вам пожалуйста – после долгих лет препирательств с семейкой Гедни наследство Мирабель может оказаться стертым с лица земли. Разве возможно сестринство без общего дома? Ведь это он свел их вместе, и что будет, если особняк исчезнет?

Айви очень вовремя вытирает выступившие от гнева слезы, потому что в комнату входят сестры. Процессию замыкает Иезавель, которая сразу же направляется к старинной сервировочной тележке с напитками.

Суббота, 23 октября Вечер

Иезавель берет с многоярусной тележки черную приземистую бутылку с нарисованными на ней белым черепом с костями. Это шутка такая.

При выборе напитков Айви любит говорить: «*Назовите своей яд*»²⁶, и это как нельзя лучше совпадает с философией Иезавель, которая гласит: «*Мы все умрем, но не каждый из нас достаточно умен, чтобы выбрать исполнителя своей смерти*».

Вот она, эта грозная бутылка, а внутри – вполне себе безобидный розовый джин, настоянный на перце с розмарином. Этот напиток Айви делает малыми партиями, исключительно для обитательниц поместья, поэтому он не разлит в стандартные фирменные бутылки в форме золоченых клеток.

Иезавель смешивает три идеальных грязных мартини²⁷ с добавлением небольшой порции оливкового сока для придания напиткам солоноватого привкуса. Легким поворотом руки она отправляет бокалы по воздуху в сторону Айви с Квини, что сидят рядышком на разномастных стульях с мягкими спинками. Обе женщины подхватывают бокалы, бор-

²⁶ От англ. *Pick your poison* – шутливое выражение, когда предлагают выпить.

²⁷ Коктейль на основе водки, вермута и оливкового маринада.

моча благодарности.

– Урсула, ты точно не хочешь? – ласково спрашивает Иезавель, склонив голову набок. – День выдался тяжелый, расслабься хоть сейчас, ты заслужила.

Урсула перестает стучать спицами и опускает вязанье на колени. Предложение заманчивое, но она говорит:

– Нет, спасибо.

– Хватит строить из себя страдальцу, – ворчит Айви, качая головой.

Иезавель удивленно вздрагивает от такой резкости, а Урсула уязвлена.

– Да ладно тебе, обязательно надо выпить, – ласково повторяет Иезавель и начинает готовить для Урсулы напиток послаще: все же ее вкусовые сосочки плохо воспринимают крепкий алкоголь. – Худшее уже случилось, так что можно не напрягаться.

Табита не пьет, но Иезавель поддразнивает и ее. Она смешивает водку «сауэр» (по вкусу этот коктейль похож на ярмарочный лимонад), а потом кидает в ее сторону фундук, который с довольным «карр» перехватывает Виджет.

– Не балуй ее так, – говорит Табита и протягивает руку, чтобы погладить ворону, примостившуюся рядом на жердочке. Птица переводит, что имела в виду ее хозяйка:

– Спасибо за заботу.

Иезавель улыбается, наслаждаясь ролью доброй хозяйки. В былые времена, когда все они были детьми, каждая из се-

стер выполняла любую ее прихоть. Но после той ужасной ночи Иезавель поняла, что пора и самой заботиться о сестринстве, чьи основы едва не были подорваны. Иногда, чтобы познать себя настоящую, требуется трагедия.

Отправив по воздуху блюда с закусками, Иезавель присаживается на кушетку рядом с Урсулой – когда-то тут было место Руби. Она передает сестре коктейль и мягко щипает ее за коленку. Отпив немного мартини, Иезавель говорит:

– Как всегда, вкусная бодяга получилась. – Она поднимает бокал и кивает Айви, примостившейся возле камина.

Та хмуро улыбается и ответно поднимает свой бокал. Женщины размыкают пальцы, и оба бокала на тонких ножках скользят по мраморному столу навстречу друг другу, встретившись возле зажженного подсвечника. Бокалы звонко чокаются, словно отмечая радостное, а вовсе не грустное событие, а затем, не пролив ни капли, возвращаются к своим хозяевам.

Все голодные и с удовольствием набрасываются на поджаренную до хруста цветную капусту, питы с нутовым пюре, фалафель ²⁸, палочки сельдерея и бабагануш ²⁹. Обычно такие встречи ведет Квини, но сейчас есть негласное понимание, что она утратила эту привилегию, поэтому все взгляды обращены к Айви.

– Я подвела вас сегодня, – громко произносит та, промо-

²⁸ Жаренные во фритюре шарики из измельченных бобовых.

²⁹ Ближневосточная закуска из печеных баклажанов.

кая рот салфеткой. – Даже сама не понимаю, что со мной случилось. – Она скорбно качает головой, фиалки в ее волосах понуро увядают. – Впрочем, что это я. Я знаю причину – просто я старею, и у меня кончаются силы. – На этих словах голос ее надломился. Подобное признание далось ей с трудом.

Услышь его другие, обыкновенные женщины, они хором бы бросились опровергать такие слова – мол, ничего подобного, есть еще порох в пороховницах и тому подобное. Но ведь все тут – члены одного сестринства. По несущественным вопросам они могут спорить и препираться, ворчать и насмехаться, безумно приукрашивать события или что-то умалчивать, но они никогда не опустятся до лжи, когда дело касается чего-то очень важного.

– Да мы все стареем, Айви, – говорит Иезавель. – Ни у кого из нас нет былой силы.

Иезавель с грустью понимает, что так оно и есть. Ведь иначе все сегодняшние мужчины на лужайке мигом бы забыли, зачем пришли, и выстроились бы в очередь на дегустацию, предложенную ею для отвлечения внимания. Женщина вспоминает, какой же она была сильной. Да, время – подлая госпожа. Ведь будь оно к тебе благосклонно, то скинуло бы из милости энное количество годков, но вместо этого требует расплачиваться самым драгоценным – красотой, жизненной силой, колдовским могуществом и здоровьем.

Воистину – молодость понапрасну тратится на глупых и

неразумных. «Верните мне мое тело восемнадцатилетней девушки, верните мне мою молодую энергию, оставив опыт, накопленный за семьдесят девять лет, и я стану несокрушимой», – думает Иезавель.

– Да ты ни в чем не виновата, Айви, – хмуро говорит Урсула. – Они знают, что мы уязвимы. Поэтому и нанесли удар именно теперь.

– Они – это кто? – уточняет Иезавель. – Городской совет? Может, поэтому и дочь Стоутона оказалась в курсе?

– Но это же глупо, – возражает Урсула, машинально трогая грудь, которая еще не зажила. – Куда они денутся без нашей винокурни? В графстве только у нас есть лицензия.

Айви потирает лоб – после дневного колдовства у нее все еще болит голова.

– Вы как будто не в теме, – раздраженно говорит она. – Посмотрите вокруг, многое переменилось. В городе как грибы разрастаются сети быстрого питания. А эти ужасные гипермаркеты... Кричли Хэкл уже не тот город, которым он был раньше.

Сделав крошечный глоток водки «сауэр», Урсула спрашивает:

– Но с чего они так взбунтовались именно *теперь*? Ведь столько лет мы вполне мирно сосуществовали.

– Почему? Вот почему. – Квини тянется к пакету с бутылками и жестяным банками, что вернула ей Айви после проведенных анализов, и выставляет парочку на стол.

Иезавель берет их в руки и читает наклейки.

– Пивоварня и ликеро-водочный завод в одном флаконе? – удивленно присвистывает она. – Первый раз вижу эту продукцию. И что означает КСВ?

– *Казнь Салемских Ведьм*, – докладывает Квини. Эту информацию раздобыла для нее Виджет, отправленная в полетное задание. Квини рассказывает, что в кабинете мэра Уилла Стоутона ворона обнаружила самого мэра, управляющего банком Джона Хаторна и еще какого-то приезжего. – Они обсуждали планы по созданию... – Квини рисует в воздухе кавычки и саркастически произносит: – ...«Мужской Вселенной».

– Чего? – Иезавель чуть не подавилась мартини. – Ты это серьезно?

– Еще как, – отвечает Квини. – Огромный досуговый центр, что-то вроде Диснейленда, только для взрослых мужиков. У них будет огромный ликеро-водочный завод, пивоварня, а рядом появятся гольф-клуб, тир, поле для пейнтбола и стриптиз-клуб.

– Бухло, голые бабы и оружие, – задумчиво произносит Урсула. – Когда же все пошло не так?

– И где они собираются возвести эту свою вселенную? – спрашивает Иезавель. – Неужели прямо в Кричли Хэкл?

Судя по выражению лица Квини, она уже знает, что ответ ей очень не понравится.

– А построят они его прямо тут, – говорит Квини. – На

территории нашего поместья.

Из рецептов Айви для винокурни поместья Муншайн

Джин, настоящий на розовом перце и розмарине

Ингредиенты:

- 1 бутылка водки «Помесье Муншайн»
- 3 ст. л. ягод можжевельника
- 1 ст. л. семян индийского кориандра
- 5 больших веточек свежего розмарина
- 1 ч. л. сушеной лимонной цедры
- 1 ч. л. цельных ягодпряного перца
- 2 ч. л. семян красного кампотского перца
- 2 ч. л. семян розового перца

Утварь:

- Банка объемом в одну кварту ³⁰
- Мелкое сито

Способ приготовления:

Положите в банку можжевельник и залейте его водкой «Помесье Муншайн». Плотно закройте крышкой и дайте настояться двенадцать часов или в течение ночи. Потом добавьте остальные травы и специи. Оставьте настаиваться еще на семьдесят два часа.

Процедите джин через мелкое сито, перелив его в другую банку. Хранить в бутылке или в банке в прохладном месте на протяжении года. После истечения года наслаждайтесь ре-

³⁰ Около литра.

зультатом, используя джин для приготовления грязного мартини.

Пометка от Иезавель:

Мартини должен быть как помыслы любовников – чем грязнее, тем лучше.

Суббота, 23 октября Вечер

– Что? – вскрикивает Айви, проливая мартины на свой балахон. – Ты, блин, серьезно?

Урсула ахает, потому что вдруг в голове у нее сложились все пазлы:

– Эта рекламная растяжка через дорогу. Там же написано «Скоро здесь будет мегакомплекс Кричли Хэкл!» Мы-то думали, что она установлена, потому что рядом съезд с шоссе, но, оказывается, они планируют отстраиваться прямо тут.

– Вот именно. – Квини злится на себя, что не восприняла эту рекламу в буквальном смысле. Как они могли быть настолько слепыми, ведь к этому дело и шло.

– У нас сто акров³¹ первоклассной земли, и пивоварню мы им преподносим на блюдечке с голубой каемочкой. – Квини устало трет глаза и оборачивается к Айви: – Наше поместье не так далеко от центра города, а еще рукой подать до Оксбриджа, Фландерс-Фоллз и Титсупа. У этих городов нет своих полей для гольфа или тиров, пейнтбольных площадок и стриптиз-клубов.

– Но нашей земли им не хватит, им нужно больше, – бурчит Айви.

³¹ 1 акр примерно равен 40 соткам.

– Так она у них уже есть. – Квини понуро опускает плечи и бросает в рот еще одну таблетку от изжоги. – Вся земля вокруг нас уже скуплена, включая... – Она тяжело сглатывает, прежде чем закончить фразу. – Включая бывшую землю Магнуса.

Женщины морщатся, как будто им всем одновременно нанесли рану. Именно поэтому они и не позволяют себе обсуждать вслух Магнуса.

– У новых владельцев земли Магнуса возникли финансовые трудности, и им пришлось все продать. Так что у застройщиков на круг еще семьдесят акров, – говорит Квини. – И уж коль мы тогда не согласились продать свою землю, он собирается отнять ее у нас силой.

– Он? – За стеклами очков удивленные глаза Айви кажутся еще больше. – Но ты же не про Бартоломью Гедни говоришь – он умер шестьдесят лет назад.

– Уж тебе ли не знать, как трудно извести иные сорняки, – говорит Квини, чувствуя, как в ней закипает былая злость. – Можно их жечь, травить химией, но они все равно вырастают, из поколения в поколение.

– Так ты про его сына? – вдруг понимает Айви. – Этот тот субчик, который тут вынюхивал насчет покупки земли накануне этого ужасного происшествия с Руби?

– Собственно, речь уже идет о внуке, – уточняет Квини. Ей хочется сплюнуть, настолько она зла. – Пивоварней и ликеро-водочным заводом «Казнь Салемских Ведьм» владеет

Брэд Гедни. По-моему, уже само название говорит о его намерениях.

– Но зачем ему это? – говорит Урсула, вспыхивая синими очами. – Почему он так ненавидит нас?

– Потому что женоненавистничество – это семейный спорт Лиги Плюща³², разве вы не знали? – хмуро отвечает Квини.

Она вспоминает, как умерла Мирабель, как Айви унаследовала поместье и как Урсула предсказала появление Бартоломью Гедни, кузена Мирабель, с которым она давно потеряла связь. Так оно все и случилось – однажды он возник на пороге их дома, предлагая Айви продать все одним махом.

Бартоломью большим человеком не назовешь, как ни крути. Было в нем что-то беличье: весь какой-то маленький, сторбленный, с лицом как у грызуна, зато с огромным, раздутым самомнением – в его-то восемьдесят лет.

Он предлагал за поместье какие-то жалкие деньги, и Квини, которая уже взяла на себя обязанности Мирабель, сказала, что она о нем думает, и послала его кур доить. Бартоломью рассвирепел: молодая женщина, да к тому же еще и черная, разговаривает с ним подобным образом. Он вернулся через неделю и заявил, что впредь будет иметь дело только с Айви.

³² Ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Это название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах.

Он немного накинул цену, а потом еще, приходил к Айви три раза, пока та не выдержала и не сказала, что *ему* она не продаст поместье ни за какие деньги, пусть даже они и родственники. И что если бы Мирабель хотела заключить с ним сделку, она бы так и поступила.

В ответ Бартоломью обозвал Айви и ее подопечных уродами. Мол, всем известно, что они ведьмы, а ведьм сжигают на костре. Он поиздевался над Квини с Табитой, сказав, что черным даже в транспорте нельзя ездить с белыми, не говоря уж о том, чтобы жить с ними под одной крышей. Уходя, он поклялся, что Айви пожалеет о том дне, когда отказала ему.

Некоторое время все было спокойно, но однажды мистер Фолкс, давний адвокат Мирабель, сообщил Айви, что Гедни намерен оспорить завещание. Спасибо Мирабель и мистеру Фолксу – они позаботились о том, чтобы завещание было железобетонным, но все равно пару месяцев сестры жили как на вулкане.

– А Мирабель никогда не рассказывала, почему Бартоломью так взъелся на нее? – спрашивает Урсула, задумчиво глядя на огонь в камине.

– Нет, – говорит Айви. – Она только сказала, что он винит ее во всех своих проблемах, но об этом даже говорить не стоит. – На виске Айви пульсирует синяя жилка, лицо покраснелось.

Иезавель готовит новую порцию коктейлей.

– Так, значит, этот Брэд Гедни превратил городской совет

в своих карманных собачек? – говорит она. – И поэтому они захотели снести наш дом?

– Именно. – Квини с благодарностью принимает из рук сестры мартины. – Сначала, шестьдесят пять лет тому назад, мы дали от ворот поворот его дедушке, тридцать три года назад – его отцу, а теперь вот и внук хочет прибегнуть к подлости. Сидит и выжидает, чтобы задешево прикарманить нашу землю и отстроить тут свою «Мужскую Вселенную». Остается только дожидаться, когда Джон Хаторн и банк обратят взыскание. – От этих слов Квини чувствует, как вскипает кровь.

Какое-то время все молчат, слушая, как гудит огонь в камине и как погромыхивает водопровод – это дом выражает вместе с женщинами свое негодование. Виджет вспархивает с жердочки, опускается на подлокотник кресла и начинает громко шуршать, чистя перышки. В ночи воеет какой-то зверь, и Табита вздрагивает.

Первой молчание прерывает Иезавель:

– То есть город теперь закупается спиртным у Брэда Гедни? – Квини молча кивает, и Иезавель бормочет: – Так вот почему так упали наши продажи. А потом мужчины Кричли Хэкл заявили к нам.

В течение последних тридцати лет сестры «сдабривали» продаваемый ликер снадобьем Айви. После нескончаемой охоты на ведьм сестры решили, что для безопасности стоит немного подкорректировать воинственный нрав местных

мужчин.

И тогда Айви начала экспериментировать с различными составами, выяснив, что наилучший эффект достигается сочетанием буплерума ³³, бенедикта благословенного ³⁴, шлемника широколистного, страстоцвета и пыльцы трупного цветка. Предлагались и другие рецепты, но все они были отвергнуты. Достаточно было одной рюмки спиртного, принятой, как полагается, за воскресным обедом, и тот, кто надо, становился спокойным, а на не буйных эликсир просто не действовал.

Конечно, сестер беспокоила этическая сторона вопроса – ведь таким образом они контролировали состояние посторонних людей. Но подобная уловка шла на пользу не только ведьмам. Город процветал. Браки становились прочными. Родители являли собой хороший пример для своих детей. Мужская энергия была перенаправлена в положительное русло, отсюда и достижения в развитии города.

– Но сегодня, – говорит Иезавель, наморщив лоб, – сегодня мужчины были агрессивны как никогда. Чем это объясняется?

³³ Семейство однолетних и многолетних растений, в основном произрастающих в Азии и Средиземноморье.

³⁴ Лекарственное растение.

**Из рецептов винокурни
«Поместье Муншайн»**

Ингредиенты:

2¹/₂ унции ³⁵ специальной партии джина Айви, настоящего на перце и розмарине

¹/₂ унции оливкового рассола

¹/₂ унции сухого вермута

¹/₂ столовой ложки молотого черного перца

долька лимона

По желанию украсить оливками

Утварь:

Коктейльный шейкер или стакан для смешивания

Способ приготовления:

Начните с римминга ³⁶ (не в том смысле, распутницы!). Положите в тарелку молотый перец. Увлажните край бокала лимонной долькой, затем переверните его и опустите в тарелку с молотым перцем, слегка надавите. В емкость со льдом добавьте джин, оливковый рассол и вермут. Перемешайте до охлаждения.

Аккуратно перелейте в бокал, украсив напиток оливкой.

³⁵ Одна унция примерно равна 30 мл.

³⁶ Римминг – окантовка бокала для мартини. Второе значение – анилингус.

Напиток лучше употреблять в обнаженном виде и в возбужденном состоянии.

Суббота, 23 октября Вечер

– У меня имелось одно предположение... – говорит Квини, стрельнув взглядом в сторону Айви. Та воспринимает это как осуждение и ощетинивается.

– Ну конечно, давайте все валить на меня! – вопит Айви, вскакивая на ноги. – Я вам что, факир? Ни одна лаборатория в мире не способна точно определить количество серотонина в человеческом мозгу, таких диагностических критериев вообще не существует. – Пульс у Айви зашкаливает, гнев, подобно наждаку, раздирает грудь и желудок. Айви кидает бокал в огонь, и он вдребезги разбивается.

Сестры, раскрыв рты, смотрят на нее, потрясенные такой вспышкой, как будто не они довели ее до подобного состояния. *Айви, сделай то и это! Придумай для нас спасительный эликсир! Поддерживай дом в нормальном состоянии, чтобы у нас было где жить!* Хренотень какая-то, сил уже никаких нет.

– Если ты такая умная, Квини, то почему сама не провела эти исследования? – возмущается Айви. – Сидишь тут и поносишь меня и мои растения.

– Ничего я не поношу, – говорит Квини, всплескивая руками. – Я просто сказала, что...

– Так, не надо! Да кто ты такая, чтобы ко мне придирааться,

да еще после того, что ты натворила? Это все ты виновата, и нечего в меня тыкать!

– Ты видела? – говорит Квини, поворачиваясь к Иезавель, а затем переводя взгляд на Урсулу. – Ты видела, что произошло с ее глазами?

– Ты о фиолетовой вспышке? – спрашивает Иезавель.

– Ну да! – Квини ликует. – Ты, случаем, не отхлебывала из тех бутылок или банок, что я принесла тебе в лабораторию? – интересуется она у Айви.

Айви вся сжимается – кажется, ее хотят доконать придирами.

– Я хотела пить, я намучилась с деревом, с газоном и этим журналистом. У меня даже не было времени поесть. Уж простите, если я глотнула немного пива, ничего другого под рукой не было.

– Вот именно. – Квини довольно улыбается. – Считай, что ты провела испытания и получила ответ.

– В каком смысле? – спрашивает Айви. У нее аж руки чешутся, чтобы запулить в кого-нибудь еще чем-нибудь.

Квини опасливо пытается подойти к Айви, словно она невиданный зверь.

– Я так и думала, что они добавляют в алкоголь нечто, вызывающее гнев и агрессию. И ты только что это доказала.

Иезавель делает большие глаза:

– Ты хочешь сказать, что Брэд Гедни не только перечеркнул все наши труды, но и довел мужчин до озверения?

– Именно.

– Плохи наши дела, – говорит Иезавель и смотрит на Айви, все еще боясь подойти к ней слишком близко.

– Ясен хрен. «Плохи» – это ты мягко выразилась, – констатирует Квини.

Она достает свою волшебную палочку, направляет ее на Айви и бормочет: «*Цесса*»³⁷.

И тут огонь, бушующий в жилах Айви, остывает, и гнева как и не бывало. Айви чувствует себя потрясенной и опустошенной. Более того, ей ужасно стыдно, что она потеряла над собой контроль.

– Я... Простите, пожалуйста. Я вела себя безобразно. Простите. – Она поворачивается к Квини и берет ее за руку: – Прости, я не знаю, что на меня нашло.

– Тебе не за что извиняться, – говорит Квини. – Дело не в тебе. Они что-то подмешивают в алкоголь.

Квини помогает Айви присесть, а Иезавель делает для нее другой коктейль. Дрожащей рукой она протягивает его Айви, а та дрожащей рукой принимает его. Все молчат, кидая в сторону сестры тревожные взгляды, давая ей время прийти в себя.

Наконец Айви восстанавливает равновесие и смотрит на сестер, в чьих глазах отражается свет от огня в камине.

– Давайте зададимся вопросом, почему? – говорит Айви. – Почему они пришли именно сегодня, не дождавшись,

³⁷ Cessa – прекрати (*лат.*).

пока банк не лишит нас права собственности?

Урсула тихо ахает. После произошедшей сцены и наполовину выпитого коктейля щеки ее пылают.

– Думаешь, Брэд в курсе насчет Руби?

– Маловероятно, но уж больно вовремя он подгадал. Ведь только Руби знает, где спрятаны сокровища.

В животе у Айви формируется ледяной комок.

– Такое чувство, что Брэд и городской совет в курсе, что нас может спасти только Руби.

– Но она не общалась ни с кем из нас тридцать три года. – Голос Иезавель натянут как струна. – С чего мы вообще взяли, что она собирается вернуться в понедельник?

Айви задается тем же вопросом. Да они все об этом думают, и только одна из них озвучила свои сомнения. Как вообще отреагирует Руби, встретившись с сестрами? Оттолкнет ли она их, как это случилось в прошлом, или все-таки будет выше этого?

Айви смотрит на Урсулу, понимая, что у нее есть ответ на этот вопрос.

Урсула убирает руки от вязанья, но спицы не падают, а продолжают вязать сами собой, пока Урсула тянется к своей водке «сауэр». Со спиц свисает фиолетовый шарф из кашемира, предназначенный для Руби. Айви знает об этом, даже не спрашивая.

– Все знаки указывают на то, что Руби возвращается, – говорит Урсула, опустошив бокал. – И карты, и чайные листья,

и мой хрустальный шар. – Ей хочется доверительности, но в голосе ее чувствуется сомнение.

– Ты чего-то недоговариваешь, – рискует высказаться Айви. – Какие знаки?

Урсула краснеет, словно застигнутая врасплох.

– Да ничего особенного. Просто мне все время видится какой-то туман.

– Туман? – спрашивает Квини. – В смысле – непогода?

– Не могу сказать точно. Скорее туман в прямом смысле слова.

Айви вспоминает слова тетушки Мирабель: «Туман в октябре – снег в декабре».

– Может, ты глядела не в хрустальный шар, а типа в снежок? – шутит Квини. Все хихикают, а Квини заканчивает свою мысль: – Ты просто не хочешь признаться, что тебе пора носить очки.

– А этот туман... – Айви пытается сгладить ситуацию, – он как-то связан с возвращением Руби?

– Да, – кивает Урсула. – Я вижу его постоянно, но не понимаю его значения. И чувствую, что он станет для нас огромной проблемой.

– Да ладно тебе, – отмахивается Квини. – Подумаешь, немножко тумана. Главное, что Руби скоро будет с нами.

Айви слишком хорошо знает Урсулу, знает, что она что-то недоговаривает, что-то очень плохое. Но еще она знает, что нет смысла наседавать на сестру, иначе та упрется рогом.

Кому понравится, когда тебя загоняют в угол.

Айви глядит на Табиту. Она у них как белый слон – вроде его и нет, но он есть, и все аккуратно обходят эту тему. Да, что будет с Табитой, если кран с ядром вернется через девять дней? Ведь Тэбби не выходит из дома тридцать три года. Как они вытащат ее на улицу, если возникнет такая необходимость?

Уже поздно, и все вымотались. Айви чувствует, как усталость въелась ей в кости, как налились свинцом руки-ноги, как отяжелели веки.

– Ладно, – говорит она, поднимаясь с тяжелым вздохом. – На сегодня хватит. Завтра тяжелый день, надо готовиться к возвращению Руби. Я пошла спать.

Все, кроме Табиты, поднимаются с мест.

– Виджет узнала, как там Персефона? – спрашивает Урсула, складывая свое вязанье в корзинку.

Когда Персефона освободилась от наручников, ведьмы предложили ей остаться, но девочка отказалась: ей надо делать домашку, надо обновить информацию на платформах социальных сетей – черт его знает, что это такое.

Табита, оскорбленная вопросом Урсулы, молчит, поджав губы и уставившись на огонь. Виджет открывает клюв, чтобы сказать что-то, но воздерживается от комментариев, сочувственно поглядывая на Урсулу.

– С Персефой все в порядке, – говорит Квини. – По информации Виджет, по крайней мере час назад на домашнем

фронте у девочки все было спокойно.

Женщины гуськом следуют за Урсулой, выходят в фойе.

– Этот ребенок меня очень беспокоит, – говорит Иезавель. – Какая-то она потерянная.

Точно так же, как все мы в ее возрасте, не более того, – думает Айви. Персефона кого-то ей напоминает, но Айви пока не может вспомнить, кого именно. Может, всех их вместе взятых, когда они беспомощно барахтались, постепенно принаравливаясь ко взрослой жизни.

Вдруг Урсула останавливается. Айви успевает вовремя отойти в сторону, но Иезавель врзается в Урсулу, а та никак не реагирует. Взгляд ее затуманен, словно она видит нечто, неподвластное зрению других. Все привыкли к такому и ждут, когда Урсула придет в себя.

Вынырнув из грез, Урсула с улыбкой кивает.

– Персефона скоро вернется, – говорит она и оборачивается к Квини, замыкающей процессию: – И когда она придет,пусти ее.

Квини многозначительно закатывает глаза.

– Я вам что, дворецкий? Или все из-за того, что я черная? – говорит она и с укором добавляет: – Урсула, ты же знаешь, что мы не принимаем гостей.

– Но эту девочку мы должны принять. И когда я прошу впустить ее... – Урсула стучит пальчиком по виску Квини, а потом по груди, там, где ее сердце, – я не имею в виду просто дверь.

Айви улыбается. Ей не терпится увидеть, как Квини выполнит наказ. Она ведь у них самая колючая, никогда не любила чужаков. Она и в детстве была такой, хотя когда-то и сама была чужачкой.

Воскресенье, 24 октября День

Когда на следующий день Персефона стучится в дом поместья Муншайн, озабоченная Квини высовывает нос наружу и прежде всего видит свирепо взирающую на нее Рут Бейдер Гинзбург.

С упавшим сердцем Персефона понимает, что Квини не очень-то рада ее приходу. Девочка не понимает, почему ей так не везет – ведь и в школе, и дома она тоже чувствует себя лишней.

И все же Персефона заставляет себя улыбнуться.

– Привет. Я тут подумала, что забегу и немного помогу вам, – щебечет она.

– Поможешь? – несколько отстраненно переспрашивает Квини.

– Ну да. Помогу в сборе денег, – уточняет девочка и бойко начинает рассказывать то, на чем она собаку съела, разъезжая по городу на своем велосипеде: – У меня уже есть идеи, как развернуть кампанию. Но нам, конечно же, нужно разместить ее в социальных сетях, а еще нужно разработать бренд. Вы уж простите, но в глазах общественности вы не лучшим образом сейчас выглядите.

– Так, стоп. – Квини поднимает руку, на лице ее написано изумление. – Ты тут накидала столько слов, и все непонят-

ные.

– Ой, простите. – Персефона трясет головой, и ее светлые кудряшки весело подпрыгивают в такт словам. – Я же совсем забыла, что вы – старенькая.

Квини набирает в легкие воздуха, чтобы дать достойный ответ, но тут к дому подъезжает розовый фургончик. Со стороны водительского сиденья выпрыгивает мужчина, роется в багажнике и трусцой бежит в сторону крыльца. В руках у него – огромный букет роз, практически скрывающий его лицо.

– Вот, очередная доставка для Иезавель, – говорит он, выглядывая из-за цветов. – Каждую неделю букет становится все больше, – сетует он. – Этот уже еле влез в багажник.

– Иезавель держит твой бизнес на плаву, Рой, так что нечего жаловаться, – парирует Квини.

С ворчанием мужчина протягивает Квини бланк на подпись. Квини щурится, неразборчиво расписывается, и мужчина швыряет ей в руки букет. Через минуту, скрипя колесами по гравию, фургончик уезжает.

– погоди минуту, – говорит Квини Персефоне, заходя в дом. – Иезавель, тебе снова принесли цветы от Артемиса, – кричит она. – Сделай же что-нибудь, чтобы этот дуралей позабыл о тебе. Нам что, своей оранжереи мало? – Квини снова возвращается на крыльцо, уже без букета, и смотрит на Персефону, словно не зная, что с ней делать. – М-м-м...

Персефона собирается продолжить свою речь, но из глу-

бины дома доносится какой-то грохот.

Стоящая рядом с девочкой Рут Бейдер Гинзбург начинает рычать, ее плоское тельце сотрясает дрожь. Нагнувшись, Персефона подхватывает собаку на руки.

– Прощу прощения, еще одну минуту, – говорит Квини и, зайдя в дом и прикрыв дверь, кричит что-то невнятное. Шум стихает. Затем дверь слегка приоткрывается, и Квини говорит сквозь щель: – Послушай, девочка, сейчас не очень подходящее время. – Квини едва успевает произнести эти слова, как из дома доносится протяжный крик, и Квини морщится.

Персефона удивленно таращится на нее.

– Вы там что, проводите ритуал? – срывающимся голосом говорит она, пытаясь заглянуть внутрь. – Может, жертвоприношение какое? Вы точно не убиваете животных? Ничего не имею против колдовства, но только если безо всяких жестокостей.

– Колдовство? – фыркает Квини. – С чего ты взяла?

– Так все в городе говорят, что вы – ведьмы. – Персефона стоит и хлопает глазами. – Вот я и подумала, что...

За спиной Квини раздается взрыв, и та бормочет сквозь зубы: «Всемилостная Богиня...»

Повернувшись к Персефоне, она мрачно улыбается и говорит:

– Еще одну минуту, пожалуйста.

Дверь снова закрывается, и Квини что-то кричит, обращаясь к другим обитательницам дома. Крик звучит приглу-

шенно, но Персефона, большой спец в подслушивании, приставляет ухо к двери и теперь в состоянии разобрать каждое слово.

«Зашибись! Ну что за сучки! Эта малявка донимает меня вопросами про магию и жертвоприношения, а я как идиотка стою и пудрю ей мозги. Вы не можете колдовать потише?»

Грохот стихает, Квини тихо чертыхается (слов уже не разобрать), потом она снова открывает дверь, и на улицу выпархивает облачко розового дыма.

– Прошу прощения, – говорит Квини. – Как я уже сказала, нет тут никакого жертвоприношения и нет никаких ведьм.

– Но я сама слышала, что вы пытаетесь «запудрить мне мозги», пока суч...

– Ладно, ладно! – обрывает ее Квини и опускает голову, словно в знак поражения. – Я... – Квини трет кулаком глаза. – Кто бы знал, что ты все услышишь. – Потом она бормочет себе под нос: – Ох уж эти детки, все-то они слышат, и здоровье у них крепкое. Сплошная показуха.

– Хочу заметить, – говорит Персефона, – что никакая я не детка. Мне уже пятнадцать. – Увидев сомнение на лице Квини, девочка всплескивает руками. – Ну да, я кажусь маленькой. Из-за этого меня никто не воспринимает всерьез. Гемор сплошной.

Теперь Квини более внимательно вглядывается в девочку: – Если хочешь выглядеть на свои пятнадцать, вовсе не обязательно носить одежду на три размера больше. Так по-

ступают только малявки.

Персефона оглядывает свое любимое красное пальто.

– Это пальто моей мамы, между прочим. И еще терпеть не могу, когда мне диктуют, как одеваться. Женщины имеют право поступать так, как им угодно. – Она кивает в сторону балахона Квини: – Вы же носите, что хотите.

– *Туше*³⁸, – кивает Квини, и в глазах ее сверкает искорка уважения.

– И еще нехорошо называть друг друга *сучками*. Это антифеминистично.

– И кто тут диктует, а? Кстати, насчет *сучек* ты неправ. – Пикировка закончена, и Квини уже разговаривает более спокойно. – Слова обладают силой, именно поэтому их надо «одомашнивать». Из оскорбительного слова можно вынуть жало, превратив его в ласкательное или даже похвалу, таким образом одержав победу над ругательством.

Персефона скептически смотрит на нее:

– Только тон у вас был не больно ласковый.

Квини ухмыляется:

– Ну да. А все оттого, что я сама по себе не очень ласковый человек.

– Допустим, – кивает Персефона. Поставив собачку на землю, она засовывает руки в карманы, словно стараясь придать себе важности. – Послушайте, меня совершенно не беспокоит, что вы ведьмы.

³⁸ От франц. *touche* («укол») – термин, используемый в фехтовании.

– Но мы не...

– Но я же видела вчера, как ваша подруга наколдовала бурю, – говорит Персефона, повышая голос. – И, по-моему, это очень даже круто. Мне и самой всегда хотелось заниматься колдовством. Именно поэтому я и освоила фокусы. Это, конечно, не настоящее колдовство, как у вас, но все равно я здорово вчера прикололась над копами. – И Персефона передразнивает полицейского, который вытаскивал из ее кармана гирлянду шелковых платков.

Квини улыбается:

– Я бы и сама научилась у тебя парочке таких фокусов.

– Знаете, я просто обожаю «Зачарованных», обожаю Хилтаун³⁹. Вот бы и мне таких сестер.

Квини удивленно приподнимает бровь:

– Ты снова произносишь слова, которые для меня лишены всякого смысла.

– Да вы что? Вы ничего не слышали про Мейси, Мэл и Мэгги? – удивленно спрашивает девочка.

– Нет, а что? Это кто-то из местных? – Видя изумление на лице Персефоны, Квини пытается объяснить: – Я не могу отслеживать, кто из новых появляется в городе, мы не очень-то общительны.

– Это я заметила, – фыркает Персефона. – Я стою тут уже пять минут, – она делает движение, словно готова отправить-

³⁹ Вымышленный городок, в котором происходит действие сериала «Зачарованные».

ся домой, – и вы, сучки, даже не предложили мне войти.

От этих слов Квини вздрагивает.

– В чем дело? – спрашивает Персефона, вытаращив глаза на Квини. – Вы же сами сказали, что это нормальное слово.

Из дома раздается голос:

– Квини, не забудь, что я советовала тебе впустить ее!

Квини качает головой и бормочет:

– Ради всемилостивой Богини, да заходи уже. – Она распахивает дверь, пропуская внутрь Персефону вместе с ее Руфью Бейдер Гинзбург.

Все дети Кричли Хэкл только и говорили, что в этом доме живут призраки и чудища. Но, к разочарованию Персефоны, она находит обстановку вполне себе симпатичной. Во-первых, тут есть двойная парадная лестница, какую можно увидеть разве что на вокзале, где нужно разводить разнонаправленные потоки людей. Персефона с восхищением глядит на широкие лакированные перила, с которых так и хочется скалиться.

Прямо над ее головой висит, переливчато сверкая и угрожающе раскачиваясь, огромная люстра. Распахнутые слева двери ведут, кажется, в библиотеку, справа виден коридор и еще какая-то комната. Между лестницами тоже имеется проход, который ведет в глубь дома. А в самом фойе, в разных его точках, застыли взмыленные от работы те самые три пожилые женщины, знакомые ей по вчерашним событиям. Все они такие чумазые, просто ужас. С невинной улыбкой

заталкивая что-то в карманы, женщины нестройным хором приветствуют гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.